

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотека

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

Г. В. ПЛЕХАНОВ

УТОПИЧЕСКИЙ
СОЦИАЛИЗМ
XIX ВЕКА

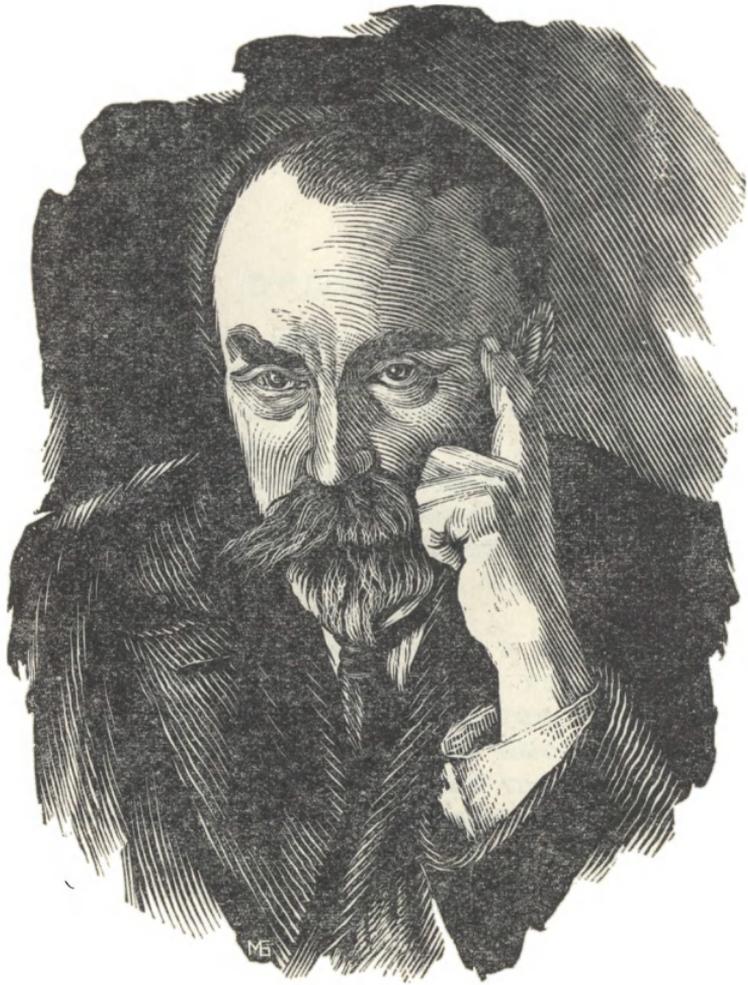

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1958

Г. В. ПЛЕХАНОВ

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ
XIX ВЕКА

Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:
А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
И. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Г. В. Плеханов принадлежит к плеяде выдающихся деятелей международного рабочего движения. Он был крупным теоретиком, талантливым пропагандистом и защитником марксизма.

Философские труды Плеханова представляют большой вклад в развитие общественной мысли в России. Оценивая заслуги Плеханова, как теоретика марксизма, Ленин называл его философские труды лучшими в международной марксистской литературе.

В обосновании диалектического и исторического материализма, научного социализма, в истории философии, этике и эстетике, логике и психологии труды Плеханова оставили неизгладимый след. Он высказал ряд оригинальных идей, идущих по линии творческого обоснования и развития некоторых весьма важных философских положений марксизма.

Плеханов дал правильную оценку русской исторической действительности конца XIX века. Теоретическое обоснование им необходимости создания рабочей партии как решающего фактора в ликвидации кризиса, переживаемого страной, имело большое значение в судьбах России.

Г. В. Плеханов родился в 1856 году в семье мелкого помещика Тамбовской губернии.

В 70-х гг. XIX века Плеханов, будучи студентом, становится революционером-народником. Скрываясь от царской полиции, он эмигрировал в 1880 году по решению революционного центра в Швейцарию и провел там много

лет, изучая социалистическую литературу, философские и экономические труды Маркса, Энгельса, международное рабочее движение.

В 1883 году Плеханов впервые выступил с защитой и обоснованием теории Маркса — Энгельса. Им была создана за границей первая русская марксистская группа «Освобождение труда», сыгравшая большую роль в развитии революционного самосознания передовых представителей русского рабочего класса на заре его развития.

В том же 1883 году была напечатана и отправлена в Россию первая марксистская работа Плеханова «Социализм и политическая борьба». Эта работа имела выдающееся общественное значение. В ней Плеханов подверг уничтожающей критике старые учения, на которых основывали свою деятельность русские революционеры того времени — народники.

В 1884 году Плеханов написал вторую работу «Наши разногласия», в которой, продолжая критику воззрений народников, прямо поставил вопрос о необходимости создания рабочей партии в России. «...Возможно более скорое образование рабочей партии, — писал Плеханов, — есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России. На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию» *.

Кроме названных работ: «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1884), Плехановым написано много других марксистских трудов. Нельзя не отметить таких его произведений, как «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» (1891), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), статьи против Э. Бернштейна, К. Шмидта, П. Струве, А. Богданова, Г. Масарика и многие другие работы, которые содержат блестящую защиту, обоснование, конкретизацию и развитие марксистской теории.

* См. Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 349.

Самым значительным философским произведением Плеханова является его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895). Изложенные в ней идеи диалектического материализма и научного социализма сыграли роль динамита, взорвавшего старые, опровергнутые самой жизнью учения народников. Он вселил в истинных деятелей освободительного движения уверенность в победе революции, способствовал воспитанию подлинных революционеров.

Наибольшее внимание в работах Плеханова уделяется проблемам исторического материализма, научного социализма, истории философии, критике буржуазной социологии. Он подверг глубокому научному анализу, критическому разбору домарксистские философские системы, показал их сильные и слабые стороны, вскрыл и объяснил их ограниченность и несостоятельность в истолковании закономерностей общественного развития.

Разоблачая попытки затушевать принципиальное различие между марксизмом и домарксовскими философскими учениями, Плеханов показал и доказал, что обоснование диалектического и исторического материализма и теории научного социализма явилось революцией в философской и общественной мысли.

Работа «Утопический социализм XIX века» написана в 1913 году, когда Плеханов, в основном оставаясь диалектическим материалистом, по некоторым весьма важным вопросам марксистской теории отступил с позиций революционного марксизма на позиции оппортунизма.

Однако из анализа работы явствует, что и в этот меньшевистский период его деятельности Плеханов в своих историко-философских исследованиях оставался верен принципам исторического материализма. Глубокий научный анализ характеризует эту работу Плеханова, посвященную утопическим социалистам Англии, Франции и Германии. Плеханов оговаривается, что он не имеет возможности исследовать те общественные движения, которые порождали идеи утопических социалистов. Однако в ходе изложения их взглядов Плеханов, как бы мимоходом, указывает на некоторые весьма важные исторические факты, обусловившие и характер и направление развития их идей.

Главное же, что тщательно исследует Плеханов, это те теоретические источники, на которые опирались утопические социалисты, и то, что добавлялось ими в сокровищницу теоретического мышления и было характерным только для них.

При этом «добавка» рассматривается по каждой стране и выводится из анализа конкретной исторической обстановки. Однако теоретическим источником для всех трех школ оказывается французская просветительская, материалистическая философия XVIII века, бывшая в свое время вершиной теоретического философского мышления.

Плеханов строго последовательно проводит ту мысль, что Гольбах, Гельвеций, Дидро и их сторонники были воинствующими материалистами, идеологами французской буржуазии того революционного периода ее истории, когда она смело и решительно выступала против феодализма, против всех представлений и учреждений средневековья. Анализируя материализм, атеизм, теорию познания, этические и исторические взгляды французских материалистов, критику ими феодализма, Плеханов показывает как их сильные, так и слабые стороны.

Но несмотря на недостатки, французский материализм, как справедливо говорил Плеханов, является важнейшей ступенью в развитии теоретического мышления человечества. Связь теории с потребностями времени, уничтожающая критика феодализма, боевой последовательный атеизм — обуславливают непреходящую ценность французской литературы XVIII века.

Все утопические социалисты XIX века берут за исходную точку для своих теорий положение материалистов XVIII века о том, что добродетели и пороки человека определяются обстоятельствами, что характер человека не есть нечто данное от бога, а является результатом воздействия окружающей человека среды.

Плеханов уделяет наибольшее внимание взглядам английских социалистов-утопистов Чарльза Голля, Роберта Оуэна и Уильяма Томпсона. Их важнейшая заслуга, по мнению Плеханова, состоит в той беспощадной критике, какой они подвергли капиталистический строй. Еще Голль в своем основном труде «О действии цивилизации на народные массы в европейских странах» доказывал,

что с ростом богатства в руках капиталистов народные массы беднеют. «Рост богатства и силы одних, — писал он, — вызывает увеличение бедности и подчиненности других»*.

Отсюда, говорил Голль, развиваются классовые противоречия, борьба классов. Однако эта борьба неравная. Дело в том, что рабочий всегда оказывается вынужденным сдаваться, так как не имеет средств вести такую борьбу. Великое неравенство имущества — наиболее характерная черта современной буржуазной цивилизации.

Те же идеи — бедность от неравенства — развивают вслед за Голлем Оуэн и другие социалисты-утописты.

«Мир переполнен теперь богатством, — говорит Оуэн; — он обладает неисчерпаемыми средствами его постоянного увеличения — и все-таки изобилует нищетою! Таково нынешнее положение человеческого общества»**.

Рост неравенства, прогрессирующая нищета трудящихся классов и возрастание богатства капиталистов вызывали наибольшую тревогу среди социалистов-утопистов всех стран. Они задумывались над тем, как устранить эту очевидную тенденцию общественного развития XIX века.

При этом их занимала проблема: как остановить это необъяснимое явление, как можно построить общественные отношения, чтобы рабочий получал ту долю богатства, которую он сам создает, и если нельзя рабочему получать весь продукт его труда, то надо сделать так, чтобы часть продукта, получаемого работником, не была бы так ничтожно мала.

Социалисты-утописты подвергали критике буржуазные общественные отношения и решительно указывали на то, что основная причина бедствий народных масс в условиях капитализма коренится в частной собственности на средства производства.

Французские социалисты-утописты Луи Блан, Жан Рейно, Пьер Леру более или менее ясно представляли себе коренное общественное противоречие современного им общества как противоположность буржуазии народу (Луи Блан) или даже как противоположность двух

* См. настоящее издание, стр. 17.

** См. настоящее издание, стр. 21.

классов, составляющих народ, классов, различных по своим интересам, — пролетариата и буржуазии (Пьер Леру).

Все социалисты-утописты сходились в том, что воспитание играет большую роль в формировании человеческого характера, что человека делает среда, отсюда требование: все общественные учреждения должны иметь целью нравственное, умственное и физическое улучшение класса наиболее многочисленного и наиболее бедного (Сен-Симон).

Общей чертой мировоззрения социалистов-утопистов является также их твердая вера в прогрессивное развитие человечества. При этом, как справедливо утверждает Плеханов, «отличительной чертой социализма служит, собственно, не вера в прогресс, а убеждение в том, что прогресс ведет к устранению *«эксплуатации человека человеком»*. Оно настойчиво повторяется в речах и сочинениях сен-симонистов»*.

Немецкие социалисты-утописты (Вейтлинг) подходили к сознанию того, что характер будущего общества определяется объективным ходом общественного развития, выражающегося в борьбе классов.

«Он (т. е. Вейтлинг. — М. С.) говорил, — пишет Плеханов, — что всякая замена старого новым есть революция. Поэтому коммунисты не могут не быть революционерами. Однако революции не всегда будут кровавыми. Мирный переворот для коммунистов более желателен, нежели кровавый. Но ход преобразований зависит не от них, а от поведения высших классов и правительств»**.

Так подводит Плеханов читателя к той мысли, что идеи социалистов-утопистов явились одним из теоретических источников марксизма. Социалисты-утописты, выражая интересы народных масс, угнетаемых капиталом, пытались теоретически обосновать необходимость социальных преобразований и высказали ряд гениальных догадок о коммунистическом обществе.

Но как только встает вопрос о путях и методах общественных преобразований, сейчас же обнаруживается сла-

* См. настоящее издание, стр. 50.

** См. настоящее издание, стр. 62.

бость социалистов домарксистского периода, их утопизм, и в основном в том, что они не понимали закономерностей развития капитализма. Они очень хотели создать такой общественный строй, при котором не будет ни бедных, ни богатых, ни рабов, ни хозяев. «Но утопический социализм,— говорит Плеханов,— мало считался с ходом исторического развития. Оуэн охотно повторял, что новый общественный порядок может прийти внезапно, «яко тать в нощи»*». Утопические социалисты не верили в самостоятельность тех самых трудящихся, об освобождении которых они так много думали и ради интересов которых они ничего не жалели. В большинстве своем они были сторонниками классового мира и думали совершить общественный переворот безо всякой борьбы, путем убеждения власть имущих.

Сен-Симон, Фурье и другие утописты осуждали французскую революцию 1789 г. и называли ее «ужасающим взрывом». Социалисты-утописты не понимали, что только классовая борьба, только революционное преобразование общества может привести к тому, что вчерашний раб станет свободным гражданином, не зависимым ни экономически, ни духовно от своего вчерашнего господина капиталиста, и что нет другого средства для изменения общества, кроме как участие рабочих, трудящихся в революционной борьбе.

Главный недостаток утопического социализма в том и состоит, что он не видел силы, способной произвести коренное преобразование современного капиталистического общества. Социалисты-утописты требовали, по словам Плеханова, «чтобы имущественное неравенство устранено было теми, которым достаются все выгоды, из него проистекающие»**. Марксизм устранил этот недостаток старого, утопического социализма, указав на то, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих. А для того, чтобы задача освобождения была решена успешно, рабочие должны создать свою рабочую партию, боевую, строго дисциплинированную, вооруженную передовой революционной теорией.

* См. настоящее издание, стр. 25.

** См. настоящее издание, стр. 20.

«...Без революционной теории,— писал Плеханов,— нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства,— революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а, следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»*.

Именно такой революционной теорией, выясняющей истинные задачи рабочего класса, Плеханов считал марксизм. Только в марксизме рабочий класс находит победоносное оружие, с помощью которого совершается революционное преобразование буржуазного общества в общество социалистическое.

Таким образом, подвергая критическому разбору взгляды социалистов-утопистов, не сумевших вскрыть и научно обосновать закономерности исторического развития, Плеханов показал великое значение создания Марксом и Энгельсом теории научного социализма. Появление научного социализма Плеханов рассматривал как знаменательное явление и в высшей степени важный поворот в истории человеческого мышления.

Работа Г. В. Плеханова «Утопический социализм XIX века» содержит научный анализ социалистических домарксистских идей XIX столетия. В ней убедительно и ярко показана роль и значение утопических социалистов как предшественников научного социализма.

М. Сидоров

* См. Г. В. Плеханов, Соч., т. II, стр. 71.

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ XIX ВЕКА ¹

Западноевропейская художественная литература первой половины XIX века была — как она бывает всегда и везде — выражением общественной жизни. А так как в общественной жизни того времени стали играть значительную роль явления, совокупность которых вызвала в общественной теории так называемый социальный вопрос, то представляется уместным предпослать обозрению указанной литературы краткую характеристику учений социалистов-утопистов. Выходя за пределы истории литературы, в тесном смысле этого слова, такая характеристика поможет пониманию собственно литературных направлений. Но по недостатку места я вынужден ограничиться указанием важнейших оттенков утопического социализма XIX столетия и выяснением главнейших влияний, определивших собою их развитие.

Как это отметил еще Энгельс в своей полемике с Дюрингом ², социализм XIX века кажется на первый взгляд лишь дальнейшим развитием тех выводов, к которым пришла просветительная философия XVIII века. Для примера укажу на то, что социалистические теоретики рассматриваемой эпохи очень охотно апеллируют к *естественному праву* ³, игравшему такую важную роль в рассуждениях французских просветителей. Кроме того, не подлежит ни малейшему сомнению, что социалисты целиком усвоили

себе то учение о человеке, которого держались эти просветители вообще, а материалисты — Ламеттри, Гольбах, Дидро и Гельвеций во Франции; Гартлей и Пристли в Англии — в особенности. Так, еще Уильям Годвин (1756—1836) исходил из того выработанного материалистами положения, что добродетели и пороки каждого человека определяются обстоятельствами, в своей совокупности составляющими историю его жизни *. Отсюда Годвин умозаключал, что если придать этой совокупности обстоятельств надлежащий характер, то порок будет совершенно изгнан из мира. После этого ему оставалось только решить, какие же именно меры способны придать желательный характер указанной совокупности обстоятельств. Он и рассматривает этот вопрос в своем главном сочинении: «Inquiry concerning Political Justice and its Influence on General Virtue and Happiness» (Исследование о политической справедливости и об ее влиянии на добродетель и счастье общества), вышедшем в 1793 году. Результаты, полученные Годвином, очень близки к тому, что называется теперь анархическим коммунизмом. В этом отношении с ним сильно расходятся многие социалисты XIX века. Но все они сходятся с ним в том, что берут за точку исхода усвоенное им учение материалистов об образовании человеческого характера.

Таково было самое главное из тех теоретических влияний, под которыми складывалось социалистическое учение XIX века. Между *практическими* влияниями самым решительным было влияние той промышленной революции, которую пережила Англия в конце XVIII столетия, и того политического переворота, который называется Великой французской революцией, — особенно *террористиче-*

* Лесли Стифен находит, что по своему умственному темпераменту Годвин более, нежели какой-либо другой английский мыслитель, похож на французских теоретиков предреволюционной эпохи («History of English Thought in the eighteenth Century by Leslie Stephen. Second edition». London 1881, vol. II, p. 264 [«История развития английской мысли в восемнадцатом веке Лесли Стифена. Второе издание». Лондон, т. II, стр. 264.]). Допустим, что это так. Но теоретическая точка исхода у Годвина совершенно та же, что, например, у Р. Оуэна, Фурье и др. выдающихся социалистов европейского материка.

ской эпохи этого переворота. Как это вполне понятно, влияние промышленного переворота с наибольшей силой сказалось в Англии, а влияние Великой революции — во Франции.

А. АНГЛИЙСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

I

Я отвожу первое место Англии именно потому, что она раньше всех других стран пережила промышленный переворот, на долгое время определивший собою последующую внутреннюю историю цивилизованных обществ. Этот переворот характеризуется быстрым развитием машинного производства, изменившего производственные отношения в том смысле, что независимые производители уступили место наемникам, трудящимся в более или менее крупных предприятиях под командой и в пользу капиталистов. Такая перемена производственных отношений принесла с собою трудящемуся населению Англии очень много тяжелых и продолжительных страданий. Ее вредные для него последствия дополнены были так называемым *огораживанием полей*, сопровождавшимся заменой мелких ферм крупными. Читатель понимает, что «огораживание полей», т. е. захват крупными собственниками земель, прежде принадлежавших сельским общинам, и «консолидация» мелких ферм в крупные должны были вести за собой уход значительной части сельского населения в промышленные центры. Легко понять и то, что выгнанные из своих старых гнезд деревенские жители увеличивали предложение «рук» на рабочем рынке и тем понижали заработную плату. Никогда еще пауперизм не принимал в Англии таких грозных размеров, какие приобрел он в период, непосредственно следовавший за «промышленной революцией». В 1784 году налог в пользу бедных доходил до 5 шиллингов на каждого жителя; в 1818 году он поднялся до 13 шилл. 3 пенсов. Измученное нуждой, трудящееся население Англии находилось в состоянии постоянного раздражения: сельскохозяйственные рабочие поджигали фермы; промышленные — разбивали машины. Это были первые, еще неосмысленные шаги на пути протеста угне-

тенных против угнетателей. Лишь очень тонкий слой рабочего класса достигал в начале этого периода той степени умственного развития, которая делала возможной для него сознательную борьбу за лучшее будущее. Этот слой увлекался радикальными политическими теориями и сочувствовал французским революционерам. Уже в 1792 году возникло «London Corresponding Society»*, в котором было немало рабочих, ремесленников и мелких торговцев. Члены этого общества называли друг друга — следуя французскому революционному обычаю — *гражданами* и обнаруживали весьма революционное настроение, особенно после казни Людовика XVI. Как ни тонок был демократический слой, способный увлекаться передовыми идеями того времени, его угрожающее настроение вызвало большую тревогу в правящих сферах, со страхом следивших за тем, что происходило тогда во Франции. Английское правительство приняло против своих домашних «якобинцев» ряд репрессивных мер, сводившихся к ограничению свободы слова, союзов и собраний⁵. В то же время идеологи высших классов сочли себя обязанными подкрепить охранительные усилия полиции и направить против революционеров «духовное оружие». Одним из литературных памятников этой умственной реакции явилось так много на шумевшее исследование Мальтуса о законе народонаселения⁶: оно было вызвано упомянутым выше сочинением Годвина о «политической справедливости». Годвин относил все человеческие бедствия на счет правительств и общественных учреждений, а Мальтус старался показать, что они порождаются не учреждениями и не правительствами, а неумолимым законом природы, благодаря которому население всегда перерастает средства к существованию.

Пережитая Англией промышленная революция, так тяжело отразившаяся на положении рабочего класса, означала вместе с тем огромный рост производительных сил страны. Он бросался в глаза всем исследователям. Многим из них он давал повод утверждать, что страдания рабочего класса имеют лишь временный характер, а в общем все обстоит прекрасно. Но не все разделяли это оптимистиче-

* [«Лондонское корреспондентское общество»]⁴.

ское воззрение. Нашлись люди, неспособные относиться с таким олимпийским спокойствием к чужим страданиям. Наиболее смелые и вдумчивые из этих людей и создали английскую социалистическую литературу первой половины прошлого века *.

В 1805 году доктор Чарльз Голль (1745—1825) обнаружил исследование⁷ о том, как действует «цивилизация» — он имел в виду, собственно, рост производительных сил в цивилизованных странах — на положение трудящейся массы. Голль доказывал в нем, что масса беднеет благодаря «цивилизации»: «рост богатства и силы одних, — писал он, — вызывает увеличение бедности и подчиненности других» **.

Для истории теории это положение весьма важно тем, что показывает, как ясно сознал английский социализм уже в лице Чарльза Голля противоположность интересов «богатого» и «бедного» классов. И заметьте, что под «бедным» классом Голль понимал класс людей, живущих продажей своего «труда», т. е. *пролетариев*, а «богатыми» называл капиталистов и землевладельцев, благосостояние которых основывается на экономической эксплуатации «бедных».

Так как «богатые» живут экономической эксплуатацией «бедных», то интересы этих двух классов прямо противоположны. В книге Голля есть отдел (IV), который так и

* «Огораживание полей» вызвало целую литературу, посвященную аграрной реформе. Литература эта, — например, сочинения Т. Спенса, Уильяма Оджилви и Т. Пэна — в своем роде очень замечательна и довольно значительно способствовала развитию социалистической теории в Англии. Но я не могу заниматься здесь ею уже по одному тому, что, относясь к XVIII столетию, она даже хронологически выходит за пределы моей темы.

** Английские социалистические сочинения первой половины XIX века теперь крайне редки. Поэтому, говоря о некоторых из них, я вынужден буду сослаться на их недавно вышедшие немецкие переводы. Сделанный Б. Ольденбергом немецкий перевод книги Голля («Die Wirkungen der Zivilisation auf die Massen» [«Воздействие цивилизации на народные массы»]) составляет четвертый выпуск (Лейпциг, 1905 г.) издававшейся покойным профессором Г. Адлером серии сочинений, которая носит общее название: «Hauptwerke des Sozialismus und der Sozialpolitik». [«Главные труды по социализму и социальной политике.»] Только что цитированное мною положение Голля находится на 29-й стр. указанного выпуска.

озаглавлен: «О различии интересов богатых и бедных». Сущность аргументации нашего автора заключается там вот в чем.

Каждого богатого надо рассматривать как *покупателя*, а каждого бедняка — как *продавца* труда. Богатый стремится извлечь как можно больше выгоды из покупаемого им труда, заплатив за него как можно меньше. Другими словами, он хочет получить возможно большую часть продукта, создаваемого трудом рабочего; рабочий, наоборот, усиливается получить как можно большую часть этого продукта. Отсюда — их взаимная борьба. Но это борьба неравная. Лишенные средства к существованию, рабочие обыкновенно бывают вынуждены сдаться, как сдается неприятелю гарнизон крепости, недостаточно снабженной съестными припасами. Притом же стачки рабочих часто усмиряются военной силой, тогда как лишь в немногих государствах закон запрещает работодателям соединяться между собою с целью понижения заработной платы.

Голль сравнивает положение сельскохозяйственного рабочего с положением рабочего скота. Если тут и есть какая-нибудь разница, то не в пользу рабочего, потому что смерть вола или лошади причиняет хозяину убыток, а от смерти рабочего он ничего не теряет *. Хозяева очень решительно отстаивают свои экономические интересы в борьбе с рабочими. Наоборот, рабочие не обнаруживают большой решительности в борьбе с хозяевами: бедность лишает их экономической и нравственной силы сопротивления **. Кроме того, на стороне хозяев стоит закон, жестоко карающий всякое нарушение прав собственности ***. Ввиду этого является вопрос: как же велика та часть ежегодного дохода нации, которая достается рабочему классу, взятому в его целом? По расчету Голля выходит, что класс этот получает только восьмую часть стоимости, создаваемой его трудом, остальные же семь восьмых этой стоимости достаются «хозяевам» ****.

* Голль, «Воздействие цивилизации на народные массы», стр. 38.

** Там же, стр. 38, 39.

*** Там же, стр. 47. Надо заметить, что в то время английский закон карал стачки рабочих, как уголовное преступление.

**** Там же, стр. 40.

Этот вывод, конечно, нельзя считать правильным: Голль преуменьшил достающуюся рабочему долю национального дохода. Но читатель понимает, что теперь нет никакой надобности разоблачать ошибку нашего автора. И наоборот, необходимо было отметить, что, несмотря на эту количественную ошибку, он хорошо понял экономическую природу эксплуатации наемного труда капиталом.

За бедностью идет преступление. По словам Голля, «всё или почти всё то, что называется наследственным грехом или расположением ко злу, надо считать следствием цивилизации, а главным образом наиболее выдающейся чертой ее — великого неравенства имуществ»*. Цивилизация развращает бедняков материальными лишениями, а у их «хозяев» вызывает пороки, свойственные богатым людям, и прежде всего — самый худший из всех пороков: склонность к угнетению своих ближних. Вот почему общественная нравственность очень много выиграла бы от устранения имущественного неравенства. Но можно ли устранить его? Голль думает, что можно. Он ссылается на три исторических примера установления равенства имуществ: во-первых, у евреев; во-вторых, у спартанцев; в-третьих, в Парагвае во время владычества там иезуитов. «Насколько мы знаем, во всех этих случаях оно увенчалось полнейшим успехом»**.

Коснувшись вопроса о том, какими мерами можно было бы устранить имущественное неравенство, Голль настоятельно рекомендует крайнюю осторожность. И не только осторожность. Надо, чтобы реформа была делом людей, лично в ней не заинтересованных и не увлекаемых страстями. Таких людей нельзя найти между угнетенными: угнетенные слишком скоро пошли бы вперед. Лучше обратиться к угнетателям: там, где дело коснется не нас самих, а посторонних нам лиц, мы не станем слишком торопиться с осуществлением требований справедливости, как бы высоко ни ставили мы их. «Поэтому было бы лучше, если бы помощь беднякам исходила от богатых»***. Другими словами, интересы общественного спокойствия

* Голль, «Воздействие цивилизации на народные массы», стр. 76.

** Там же, стр. 82.

*** Там же, стр. 49.

требуют, чтобы имущественное неравенство устранено было теми, которым достаются все выгоды, из него истекающие. Это очень характерно не для одного Голля: в сущности, огромное большинство социалистов рассматриваемой мною эпохи — не только в Англии, но и на материке Европы — стояло в этом вопросе на его точке зрения. В этом отношении к нему был близок величайший из английских социалистов-утопистов, Роберт Оуэн *.

II

Уже с самого начала 1800 года Оуэн стоял во главе большой бумагопрядильной фабрики в Нью-Ленарке, в Шотландии. Занятые на этой фабрике «бедные», много работая и мало зарабатывая, предавались пьянству, нередко попадались в воровстве и вообще находились на весьма низкой ступени умственного и нравственного развития. Сделавшись управляющим Нью-Ленаркской бумагопрядильни, Оуэн поспешил поставить рабочих в лучшие материальные условия. Так, он сократил рабочий день до 10 $\frac{1}{2}$ час., а когда фабрика остановилась на несколько месяцев вследствие недостатка сырого материала, он не выкинул своих «бедных» на улицу, как это обыкновенно делалось и делается при «заминках» и кризисах, а продолжал выдавать им полную плату. Вместе с тем он много заботился о воспитании и обучении детей. Им впервые были введены в Англии детские сады. Результаты всех этих усилий оказались блестящими во всех отношениях. Нравственный уровень рабочих заметно повысился; в них проснулось сознание своего человеческого достоинства. А в то же время значительно увеличилась доходность предприятия. Все это, вместе взятое, сделало из Нью-Ленарка нечто до последней степени привлекательное для всех тех, которые по свойственной им доброте души не прочь были пощадить овец, с тем, однако, чтобы и волки не голодали. Оуэн приобрел широкую славу филантропа. Даже наиболее высокопоставленные лица охотно посещали Нью-Ленарк и умилялись, видя благосостояние тамошних

* Род. 14 марта 1771 г. в Ньютоуне, в северном Уэльсе; умер 17 ноября 1858 г.

«бедных». Однако сам Оуэн совсем не был удовлетворен тем, что ему удалось сделать в Нью-Ленарке. Он справедливо говорил, что хотя его рабочие и пользовались сравнительным благосостоянием, но все-таки оставались его рабами. И вот филантроп, умилявший своим благосклонным отношением к рабочим даже закоснелых реакционеров, мало-помалу превратился в общественного реформатора, испугавшего своими «крайностями» всех «почтенных» людей Соединенного Королевства.

Подобно Голлю, Оуэн был поражен тем парадоксальным явлением, что рост производительных сил Англии привел к обеднению тех самых людей, которые употребляли их в дело. Он говорил: «Мир переполнен теперь богатством (*saturated with wealth*); он обладает неисчерпаемыми средствами его постоянного увеличения — и все-таки изобилует нищетою! Таково нынешнее положение человеческого общества». Оно *может быть* богатым, просвещенным и счастливым, а между тем коснеет в невежестве, и большая часть его членов живет в страшной бедности, не имея даже достаточного количества пищи. Оно не должно оставаться в таком положении. Необходима перемена к лучшему. И эта перемена может произойти с величайшей легкостью (*the change will be most easy*). «Мир знает и чувствует существующее зло; ознакомившись с предлагаемым ему новым порядком, он одобрит его, захочет перемены, и дело будет сделано» (*and it is done*) *.

Но для того, чтобы мир одобрил предлагаемую реформу, надо предварительно выяснить ему, что такое представляет собою человек по своей природе; чем сделали его окружающие условия и чем может он стать при новых условиях, соответствующих требованиям разума. По замечанию Оуэна, мысль человека должна заново родиться для того, чтобы он пришел к счастью и мудрости **. И для того, чтобы способствовать возрождению человеческой

* См. его письмо⁸, напечатанное в лондонских газетах 9 августа 1817 г. и перепечатанное в томе, составляющем дополнение к его автобиографии: «*The Life of Robert Owen Written by Himself*», London 1857. [«Жизнь Роберта Оуэна, им самим описанная», Лондон 1857.] Указанный том обозначается римской цифрой I и прописным A (I A). Ниже я буду часто на него ссылаться.

** См. «*The Life*», I A, стр. 84, 86.

мысли, Оуэн написал свои знаменитые «Опыты» об образовании человеческого характера *.

Подобно Годвину, Оуэн твердо убежден, что характер человека определяется не зависящими от его воли свойствами окружающей его общественной среды. От нее человек получает свои взгляды и свои привычки, побуждающие его к тем или другим поступкам. Поэтому населению любой страны и даже всего земного шара можно сообщить, принимая подходящие меры, какой угодно характер, от самого худшего до самого лучшего. Нужные для этого средства находятся в руках правительства. Правительство может сделать так, чтобы люди жили, не зная бедности, преступлений и наказаний, потому что бедность, преступления и наказания представляют собою не что иное, как следствия неправильного воспитания и управления. Так как цель управления состоит в том, чтобы доставить счастье управляемым, равно как и правителям, то люди, держащие в своих руках политическую власть, должны немедленно приступить к реформе общественного строя**.

Первым шагом на пути к этой реформе должно быть доведение до всеобщего сведения, что никто из людей, входящих в состав настоящего поколения, не будет лишен своего имущества. Затем должны следовать: провозглашение свободы совести; упразднение тех учреждений, которые дурно влияют на народную нравственность; пересмотр закона о бедных, и, наконец, — самое главное — принятие ряда мер для просвещения народа и его воспитания.

«Всякое государство, чтобы быть хорошо управляемым, должно направить свое главное внимание на образование характера. Управляемым лучше всех других будет

* Полное заглавие этого сочинения таково: «A New View of Society; or essays on the principle of the formation of the human character, and application of the principle to the practice». («Новый взгляд на общество, или опыты о начале, определяющем собою образование человеческого характера, и о применении этого начала на практике»). Всех «Опытов» четыре, первые два вышли в конце 1812 г., а два последних — в начале 1813 г.⁹

** См. стр. 19, 90 и 91 второго издания «Опытов», вышедшего в 1816 г. Я буду ссылаться на это издание¹⁰.

то государство, которое выработает наилучшую систему воспитания народа»*. Система воспитания должна быть однообразной для всего государства.

Почти вся последующая литературная и агитационная деятельность Оуэна свелась к дальнейшему развитию только что изложенных мною взглядов и к их горячей защите перед общественным мнением. Так, держась того положения, что характер человека определяется влиянием окружающих его условий, Оуэн выдвинул вопрос, насколько благоприятны были те условия, в которые с детства падал современный ему английский рабочий. Хорошо зная быт рабочего класса, хотя бы по наблюдениям, сделанным в Нью-Ленарке, Оуэн мог ответить на этот вопрос только в том смысле, что названные условия были совсем неблагоприятны. По его словам, фабрики, постепенно распространяясь по всей стране, портят характер ее жителей, а испорченный характер делает их несчастными. Это нравственное зло заслуживает величайшего сожаления. Однако оно останется неизбежным до тех пор, пока с ним не вступит в борьбу законодательство**. И нельзя откладывать эту борьбу в долгий ящик. Если уже теперь положение рабочих гораздо хуже, нежели оно было прежде, то с течением времени оно будет все более и более ухудшаться. Вывоз продуктов, производимых на фабриках, вероятно, достиг уже наивысшей точки. Конкуренция других стран поведет к уменьшению вывоза из Англии, что в свою очередь тяжело отразится на положении рабочего класса***.

* Оуэн, «Опыты», стр. 149¹¹.

** См. «Observations on the effects of the manufacturing system: with hints for the improvement of those parts of it which are most injurious to health and morals; Dedicated most respectfully to the british legislature» (1815). [Замечания о том, к чему приводит мануфактурное производство, а также некоторые советы, как исправить те его последствия, которые оказывают наиболее пагубное влияние на здоровье и нравственность.] Перепечатаны в «The Life of Robert Owen», Г. А. Изложенное место находится на стр. 38, ср. также стр. 39¹².

*** Там же, стр. 39¹³. Слишком легко было бы доказать, что Оуэн ошибался, считая в 1815 г. английский вывоз достигшим «своей наивысшей точки». Но полезно отметить, что уже в соображениях Оуэна теория рынков играла роль, отчасти похожую на ту, которая отведена была ей в учении наших народников восьмидесятых годов.

Оуэн требовал издания парламентом закона, который ограничил бы рабочий день в предприятиях, употреблявших машины, до 10 $\frac{1}{2}$ час. Тот же закон должен был запретить употребление в работу детей, не достигших 10-летнего возраста, а также детей, не умеющих читать и писать, даже в тех случаях, когда они старше десяти лет. Это — совершенно определенное требование *фабричного законодательства*. Требование это, выставленное Оуэном «во имя миллионов бедняков, предоставленных собственной участи»¹⁴ (in the name of the millions of the neglected poor), исполнено было, в сильно урезанном виде, парламентским актом 1819 года¹⁵. К сожалению, и этот акт, сильно урезавший требования Оуэна, остался мертвой буквой, так как парламент не принял никаких мер для его исполнения на практике. Впоследствии английская фабричная инспекция свидетельствовала, что вплоть «до закона 1833 года дети и подростки изнурялись работой целую ночь, целый день или то и другое *ad libitum*» *.

Не довольствуясь требованием фабричного законодательства, Оуэн добивался, как мы уже знаем, пересмотра закона о бедных¹⁷. Он хотел, чтобы для безработных заведены были особые деревни, жители которых занимались бы как земледелием, так и промышленным трудом. На эти деревни — «деревни единения и взаимного сотрудничества» (villages of unity and mutual cooperation) — Оуэн возлагал большие надежды. Он думал, что в них могут быть приняты серьезные меры для правильного воспитания трудящихся и для сообщения им разумного взгляда на жизнь. И так как он верил, что эти «деревни» легко могут быть приведены в цветущий вид, то он рассчитывал, что они явятся первым шагом на пути к такой общественной организации, которая уже не будет знать ни «бедных», ни «богатых», ни «рабов», ни «хозяев». Недаром он предлагал *национализировать бедняков* (nationalize the poor) **. Это нужно было ему потому, что, согласно его первоначальному плану, система воспитания должна была — как я уже отметил это выше, излагая содержание «Опытов» об образовании человеческого характера, — стать однообразной во всем государстве.

* *Карл Маркс*, «Капитал», изд. О. Н. Поповой, т. I, стр. 215. ¹⁶

** Там же, стр. 78.

Еще в 1817 году Оуэн составил подробную смету всех тех расходов, которые вызваны были бы устройством «деревень единства и взаимного сотрудничества»*. Излишне говорить теперь, что правители и не подумали осуществлять его расчеты на практике. Впоследствии — в 1834 году — они, правда, изменили закон о бедных, но совсем не в том направлении, какое указывал им наш реформатор. Вместо «деревень единства и взаимного сотрудничества», бедняки, нуждавшиеся в общественной помощи, должны были отправляться в рабочие дома, как две капли воды похожие на каторжные тюрьмы¹⁸.

Терпя неудачи в своих усилиях подвинуть «правителей» на общественную реформу, Оуэн хотя и не утратил веры в их добрую волю, все-таки увидел себя вынужденным попытаться осуществить дорогие ему идеи своими собственными средствами, с помощью своих единомышленников. Он стал основывать коммунистические колонии в Сосдиленном Королевстве и в Северной Америке. Эти попытки осуществить коммунистический идеал в узких пределах одного поселения окончились неудачно и почти разорили Оуэна. Причин неудачи было много. Одну из важнейших обнаружил он сам, сказав, что успех подобных предприятий предполагает у их участников известные нравственные свойства, далеко не всегда имеющиеся у них в настоящее время, когда общественная среда так сильно портит человеческий характер. Выходило, таким образом, что коммунистические общины нужны были для того, чтобы дать людям надлежащее воспитание, а с другой стороны, такое воспитание являлось необходимым предварительным условием успеха коммунистических общин. Противоречие это, о которое разбилось так много самых благородных намерений в течение прошлого века, может быть разрешено только историческим процессом развития общества *в его целом*, — процессом, *постепенно* приспособляющим характер людей к *постепенно* возникающим новым условиям их существования. Но утопический социализм мало считался с ходом исторического развития. Оуэн охотно повторял, что новый общественный порядок может прийти внезапно, «яко тать в нощи».

* См. «The Life», I A, p. 60 и след.

На одном народном собрании в 1817 году Оуэн обратился к присутствовавшим, между прочим, с такими словами: «Я скажу вам, друзья мои, что именно препятствовало вам до сих пор понять, в чем заключается действительное счастье. Этому препятствовали только заблуждения, великие заблуждения, лежащие в основе всех когда-либо существовавших религий. Религии сделали человека в высшей степени несостоятельным, жалким существом. Благодаря заблуждениям религиозных систем он превратился в слабое, глупое животное, стал ханжой и свирепым фанатиком или презренным лицемером» *. Таких слов еще никто не произносил в Англии, и они одни могли возмутить против Оуэна всех ее «почтенных» людей. Он и сам видел, что «почтенные люди» стали чуждаться его как богохульника. Но это несколько не уменьшило ни его откровенности, ни его веры в добрую волю власть имущих. В октябре 1830 года он прочел две лекции «об истинной религии». Лекции эти дают лишь смутное представление об отличительных признаках «истинного» религиозного учения **. Но зато они ярко свидетельствуют о том, как глубоко презирал лектор все «существовавшие до сих пор религии». В первой лекции он объявил их единственным источником разъединения, взаимной ненависти и преступлений, омрачающих человеческую жизнь. Во второй — он сказал, что они превратили мир в один огромный сумасшедший дом. И он доказывал, что настоятельно необходимо принять меры для борьбы с ними. Всего этого опять было более чем достаточно для того, чтобы привести в ярость всех «почтенных» джентльменов Соединенного Королевства. Казалось бы, Оуэн сам должен был понимать, что ни один из них не может одобрить меры, направляемые *против* религий. Но этого-то он и не хотел понять.

Во второй лекции он заявил, что люди, познавшие истину, нравственно обязаны помочь правительству воплотить ее в жизнь. Поэтому он приглашал своих слушателей

* «Life», I A, p. 115.¹⁹

** Оно должно было, по-видимому, заключаться в материалистическом взгляде на природу, слегка смягченном обычной фразеологией дензма и дополненном социалистической моралью.

обратиться к королю и к обеим палатам парламента с петициями насчет борьбы с религиями. В проекте петиции к королю говорилось, что он, конечно, желает счастья своим подданным, но их счастье может быть достигнуто не иначе, как посредством замены той неестественной религии, в которой они, к несчастью, до сих пор воспитываются, религией истины и природы. Религия истины и природы может, наконец, восторжествовать, не подвергая общество опасности, а в крайнем случае причиняя ему лишь некоторые временные неудобства. Ввиду этого королю следует воспользоваться своим высоким положением и побудить своих министров к рассмотрению роли религии в деле образования человеческого характера. В таком же духе была написана и петиция к обеим палатам *. Слушатели одобрили предложенные лектором проекты петиций. Но само собою разумеется, что петиции эти не принесли ровно никакой пользы делу Оуэна.

Религиозные взгляды, складываясь на данной социальной основе, санкционируют ее собою. Кто нападает на религию, тот колеблет ее социальную основу. Поэтому охранители никогда не бывают расположены к терпимости там, где речь заходит о религиозных убеждениях. Еще менее они расположены к борьбе с религией. Оуэн упустил это из виду. А это значило, что он не сумел сделать все те практические выводы, которые вытекали из его же собственного учения об образовании человеческого характера.

Если характер всякого данного человека определяется условиями его воспитания, то очевидно, что характер всякого данного общественного класса определяется его положением. Класс, живущий эксплуатацией других классов, всегда будет расположен защищать общественную несправедливость, а не восставать против нее. Поскольку Оуэн надеялся подвинуть аристократию и буржуазию на такие реформы, которые положили бы конец разделению общества на классы, постольку он, не замечая этого, попадал в то самое противоречие, над которым напрасно билась материалистическая философия XVIII века. Она учила, что человек со всеми своими мнениями и привыч-

* Обе лекции Оуэна напечатаны в приложении к его же «Лекциям о совершенно новом состоянии общества». («Lectures on an Entire New State of Society».)

ками создается общественной средой. И она же не переставала повторять, что общественная среда со всеми своими свойствами определяется мнением людей. «C'est l'opinion, qui gouverne le monde» (мнение правит миром), говорили материалисты, а с ними и все просветители XVIII века. Потому-то они и обращались к более или менее просвещенным деспотам, что непоколебимо верили в силу «мнения». Так же непоколебимо верил в него и Р. Оуэн. Последователь материалистов XVIII века, он буквально повторяет за ними: «мнение правит миром» (opinions govern the world) *. И, следуя их же примеру, он старается просветить «правителей». В отношении к рабочему классу он, по-видимому, долго руководился впечатлениями, полученными им в Нью-Ленарке. Он всеми силами души стремился помочь «трудящимся бедным», но совсем не верил в их самостоятельность. А не имея веры в их самостоятельность, он мог рекомендовать им одно: не вступая в борьбу с богатыми, вести себя так, чтобы эти последние не боялись взять на себя почин общественной реформы. В апреле 1819 года он напечатал в газетах «Обращение к рабочим классам» («An address to the working classes») **. С сожалением констатируя там, что в рабочей среде замечается сильное недовольство своим положением, он повторял, что характер человека определяется окружающей его общественной средой. Помня эту истину, рабочие не должны, по его мнению, винить «богатых» за их отношение к «бедным». Богатые желают одного: сохранить свое привилегированное общественное положение. Это их желание должно быть уважено рабочими. Больше того: если бы привилегированные захотели приобрести еще больше богатств, то рабочие не должны противиться и этому. Надо заниматься не прошлым, а будущим, т. е. сосредоточить все внимание на общественной реформе. Читатель может спросить, что же нового принесет с собою та реформа, которая не только сохранит привилегии, но даже еще более обогатит привилегированных? Но дело в том, что, по мнению Оуэна, колоссальные производительные силы, находящиеся теперь

* «Lectures on an Entire New State» etc., p. 151 (Lecture 11).

** В Англии до сих пор нередко говорят «рабочие классы» вместо «рабочий класс».

в распоряжении человечества, вознаградят рабочих за все их уступки, если только будут планомерно использованы. Оуэн — как впоследствии Родбертус — настаивал не на том, чтобы рабочему классу доставался весь продукт его труда, а лишь на том, чтобы не была слишком мала достающаяся ему часть этого продукта. Его коммунизм мирился, как видим, с известным общественным неравенством. Но это неравенство должно было находиться под общественным контролем и не переходить установленных обществом пределов. Оуэн был убежден, что богатые и бедные, правители и управляемые имеют один и тот же интерес *. До самого конца своей жизни он оставался убежденным сторонником *социального мира*.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Кто осуждает борьбу классов, тот, естественно, не будет придавать значения и их политическим выступлениям. Неудивительно, что Оуэн был против парламентской реформы. Он находил, что вообще избирательное право будет нежелательно («not desirable») до тех пор, пока народ не получит надлежащего воспитания, и отрицательно относился к современным ему демократическим и республиканским стремлениям. Он думал, что если бы республиканцы и демократы перестали нападать на правительство, то оно, по всей вероятности, изменилось бы к лучшему **.

Оуэн никогда не был членом партии чартистов, борющейся за *политическое* полноправие рабочих. Но так как высшие классы не выражали ни малейшего желания поддержать его *социально-реформаторские* планы, то ему в конце концов поневоле пришлось связать свои упования с рабочим движением. В начале 30-х годов, когда движение это становилось все более и более широким и даже грозным, Оуэн попытался воспользоваться растущей силой пролетариата для осуществления своих любимых идей. В сентябре 1832 года он устроил в Лондоне «базар для справедливого трудового обмена» (equitable labour exchange bazaar); почти одновременно с этим он вошел в близкие отношения к профессиональным рабочим союзам. Однако

* «The Life», I A, pp. 229—230.

** «The Life», I A, — Introductory, III.

и тут практический результат не соответствовал его ожиданиям.

Справедливый обмен означал обмен продуктов по количеству труда, затраченного на их производство. Но если данный продукт не соответствует общественной потребности, то его не возьмет никто, и труд его производителя пропадет даром. Чтобы продукты *всегда* обменивались один на другой сообразно количеству труда, воплощенного в каждом из них, — другими словами, чтобы закон *стоимости* не осуществлялся путем постоянного колебания цен, — необходима планомерная организация производства. Оно должно быть так организовано, чтобы работа каждого производителя сознательно направлялась на удовлетворение определенной общественной потребности. Пока этого нет, колебание цен неизбежно; это значит, что невозможен и «справедливый обмен». А когда это будет, в «справедливом обмене» не окажется надобности, потому что продукты не станут тогда *обмениваться* один на другой; они будут *распределяться* по принятым обществом нормам между его членами. Базары для «справедливого обмена» * свидетельствовали о том, что Оуэн и его последователи, при всем своем интересе к экономическим вопросам, еще не выяснили себе разницы между *товарным* (неорганизованным) производством, с одной стороны, и *коммунистическим* (организованным) — с другой.

Сходясь с профессиональными союзами (тред-юнионами), Оуэн надеялся, что они помогут ему в самом скором времени покрыть Англию целой сетью кооперативов, которая и послужит фундаментом нового общественного строя. Согласно его всегдашнему убеждению, общественный переворот должен был совершиться *безо всякой борьбы*. Стремясь к этому, Оуэн хотел превратить орудие *классовой борьбы*, каким всегда, в большей или меньшей степени, служат профессиональные союзы, в орудие *мирной* общественной реформы. Но это был совершенно утопический план. Оуэн скоро убедился, что ему не по дороге с тред-юнионами: те самые союзы, которые больше других сочувствовали кооперативной идее, с особенной энергией готовились тогда

* Кроме базара в Лондоне, был открыт еще базар в Бирмингеме.

ко всеобщей стачке, никогда и нигде не возможной без нарушения социального мира *.

Гораздо больший практический успех выпал на долю Оуэна и его последователей в области *потребительных товариществ*. Но к товариществам этого рода он относился довольно холодно, считая их близкими к простым «торговым обществам».

Я потому так подробно очертил деятельность Оуэна, что в ней особенно заметны как сильные, так и слабые стороны утопического социализма. Отметив их здесь, я буду в состоянии ограничиваться лишь краткими указаниями на них в своем дальнейшем изложении.

Некоторые исследователи находят, что влияние Оуэна не принесло никакой пользы рабочему движению в Англии. Это огромная, странная и непростительная ошибка. Оуэн, бывший неутомимым пропагандистом своих идей, будил мысль рабочего класса, ставя перед ним самые важные — *основные* — вопросы общественного устройства и сообщая ему много данных для правильного решения этих вопросов, по крайней мере в теории. Если его *практическая* деятельность имела в общем *утопический* характер, то надо признать, что и здесь он давал подчас своим современникам в высшей степени полезные уроки. Он был истинным родоначальником кооперативного движения в Англии. Его требование фабричного законодательства не заключало в себе ровно ничего утопического. Ровно ничего утопического не было и в его указании на необходимость давать хотя бы первоначальное школьное образование работающим на фабриках детям и подросткам. Поворачиваясь спиной к политике и осуждая классовую борьбу, он, конечно, очень заблуждался. Но — замечательное дело! — рабочие, увлекавшиеся его проповедью, умели поправлять его ошибки. Усваивая кооперативные, а отчасти и коммунистические идеи Оуэна, они в то же время принимали

* В этом очерке я занимаюсь только историей известных *идей*, а не историей общественного *движения*, но мимоходом я все-таки замечу, что эпоха сближения Оуэна с тред-юнионами была эпохой довольно широкого распространения между английскими рабочими склонности к практическим приемам классовой борьбы, очень сильно напоминающим те приемы, которыми так дорожат нынешние «революционные» синдикалисты.

деятельное участие в тогдашнем *политическом* движении английского пролетариата. Так поступали, по крайней мере, наиболее даровитые из них: Ловетт, Гесеринтон²⁰, Уотсон и др. *

Ко всему этому следует прибавить, что, выступая бесстрашным проповедником «истинной религии» и разумных отношений между полами, Оуэн содействовал развитию сознания рабочего класса не только в социальной области **.

Непосредственное влияние Оуэна сказывалось не только в Великобритании и Ирландии, но также и в Соединенных Штатах Северной Америки ***.

IV

Большой противник социализма, кембриджский профессор Фоксуэль утверждает, что не Оуэн, а Рикардо дал английским социалистам наиболее действительное духовное оружие ****. Это не так. Правда, еще Энгельс справед-

* О них смотри в недавно вышедшей книге *M. Беера*, «Geschichte des Sozialismus in England» [«История социализма в Англии»], стр. 280 и след. Особенного внимания заслуживает «Завещание» Гесеринтона²¹ (стр. 282 и 283). Ловетт и Гесеринтон были действительными участниками партии чартистов. Есть автобиография *Ловетта*, «The Life and Struggles of William Lovett, in his Pursuit of Bread, Knowledge and Freedom», London 1876. [«Жизнь Вильяма Ловетта и его борьба за хлеб, знания и свободу», Лондон 1876.]

** Как понимали наиболее даровитые рабочие его истинную религию, показывает «Завещание» Гесеринтона. Там говорится, между прочим: «Единственная достойная человечества религия состоит в нравственном образе жизни, в благожелательном отношении друг к другу и во взаимной поддержке»²².

*** См. главу II («The owenite period») [«Оуэнистский период»], в книге *Гиллхита* (Hillquit), «History of Socialism in the United States», New-York 1903. [«История социализма в Соединенных Штатах», Нью-Йорк 1903] (Есть немецкий и русский переводы)²³.

**** См. стр. LXXI и след. его очерка «Geschichte der sozialistischen Ideen in England» [«История социалистических идей в Англии»], составляющего введение к немецкому переводу довольно известного теперь сочинения *Уильяма Томпсона*, «Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth most Conducive to Human Happiness». [«Исследование о принципах распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью».] Говоря об этом сочинении, я буду ссылаться на его немецкий перевод, сделанный Освальдом Кольманом и вышедший в Берлине в 1903 г.

ливо заметил, что, поскольку теории современного социализма выходят из буржуазной политической экономии, постольку все они, почти без исключений, примыкают к теории стоимости Рикардо. Для этого была вполне достаточная причина. Но совершенно неоспоримо, что, по крайней мере, многие из тех английских социалистов, учения которых опирались на теорию стоимости Рикардо, были учениками Оуэна и обратились к буржуазной политической экономии именно потому, что им хотелось, опираясь на ее выводы, идти дальше в том самом направлении, в каком уже работала мысль их учителя. Те же из них, которых нельзя назвать учениками Оуэна, как видно, находились в тесной духовной связи с коммунистическим анархистом Годвином. К Рикардо они обращались только за тем, чтобы в его лице уличить политическую экономию в противоречии с ее собственными — и притом основными — теоретическими положениями. Из учеников Оуэна я прежде всего укажу на Уильяма Томпсона *. Во введении к своему только что названному мною (в примечании) сочинению Томпсон выдвигает вопрос о том, каким образом народ, который превосходит все другие народы количеством находящихся в его распоряжении сырых материалов, машин, жилищ и пищи, а также числом принадлежащих к нему трудолюбивых работников, несмотря на это, испытывает большие лишения **. Это, как видим, все тот же вопрос, который едва ли не с самого начала XIX века привлекал к себе внимание Оуэна и был вполне определенно формулирован им в некоторых печатных сочинениях. Далее Томпсон удивляется, почему плоды труда работников таинственным образом отнимаются у них без всякой вины с их стороны. С этим вопросом мы опять встречаемся чуть ли не во всех сочинениях Оуэна. Но сам Томпсон признает, что именно такого рода вопросы побуждают «нас» интересоваться распределением богатства. Таким образом, если Томпсон обратился к Рикардо — а он действительно к нему обратился и много заимствовал у него, — то это произошло вследствие предварительно испытанного им влияния Оуэна. Конечно, в политической

* Род. в 1785 г., ум. в 1833 г.

** См. стр. 16 немецкого перевода.

экономии Рикардо был несравненно сильнее, нежели Оуэн. Но Томпсон подошел к вопросам политической экономии совсем не с той стороны, с какой подходил к ним Рикардо. Этот последний утверждал и доказывал, что труд есть единственный источник стоимости продуктов. Но он вполне мирился с тем, что буржуазное общество осуждает трудящихся на подчиненное и бедственное положение. Вот с этим-то и не мог помириться Томпсон. Он хотел, чтобы порядок распределения продуктов перестал противоречить основному закону их производства. Другими словами, он требовал, чтобы создаваемая *трудом* стоимость доставалась *трудящимся*. А выставляя это требование, он шел по следам Оуэна.

Совершенно такое же требование выставляли в своей критике буржуазного общества и все другие английские социалисты, опиравшиеся на экономическое учение Рикардо. Главное сочинение этого последнего вышло в 1817 году *. А уже в 1821 году появилась в виде открытого письма к лорду Джону Росселю небольшая анонимная брошюра, уличающая буржуазное общество в том, что оно основывается на эксплуатации трудящихся **. За нею последовал целый ряд других сочинений, в своем роде весьма замечательных. Не все они обязаны своим происхождением ученикам Оуэна; некоторые из них вышли из-под пера людей, более или менее сильно тяготевших к анархизму. Из учеников Оуэна я, кроме уже упомянутого Томпсона, назову Джона Грея и Джона Брея, а из писателей, более или менее склонявшихся к анархизму, — Перси Ревенстона и Томаса Годскина ***.

* Оно называется: «Principles of Political Economy and Taxation». [«Начала политической экономии и податного обложения».]

** Она озаглавлена: «The Source and Remedy of the National Difficulties. A letter to Lord John Russel». [«Источник национальных затруднений и средства борьбы с ним. Письмо лорду Джону Расселю.»] О ней смотри у Маркса: «Theorien über den Mehrwert». Dritter Band. Stuttgart 1910, SS. 281—306²⁴.

*** Исследование Томпсона о распределении вышло в 1824 г.; в следующем году он выпустил сочинение «Labour Rewarded» («Вознагражденный Труд»). В том же году Грей (1798—1850) выпустил в свет «Чтение о человеческом счастье» («A Lecture on Human Happiness»), а в 1831 г. — «Social System» («Социальная система»). Важная для истории экономической теории книга Джона Брея,

Все эти писатели долго оставались совершенно забытыми. Когда о них вспомнили, — отчасти благодаря Марксу, напомнившему о них еще в своей полемике с Прудоном, — на их сочинения стали указывать, как на источник, из которого Маркс будто бы заимствовал свое учение о прибавочном продукте и о прибавочной стоимости. Дело дошло до того, что супруги Уэббы назвали Маркса «знаменитым учеником Годскина» *. Это решительно ни с чем не соотносимо. Правда, в экономических сочинениях английских социалистов мы встречаем не только теории эксплуатации труда капиталом, но даже и такие выражения, как «прибавочный продукт» (*surplus produce*) и «прибавочная стоимость» (*surplus value, additional value*). Но дело не в

«Labour's Wrongs and Labour's Remedy; or, the Age of Might and the Age of Right» [«Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению»], вышла в 1839 г. в Лидсе; она замечательна, между прочим, тем, что Брей как будто выказывает склонность покинуть идеалистический взгляд на историю, свойственный всем утопистам, и перейти на точку зрения материалистического объяснения истории (см. на стр. 26 рассуждение о том, что общество не может по своему желанию изменить направление своих мнений (*opinions*)). Правда, склонность эта не побуждает Брея к серьезному анализу основных причин общественного развития. Упомяну здесь еще о книге *T. P. Эдмондса*, «Practical moral and political economy», London 1828. [«Практическая моральная и политическая экономия», Лондон 1828.] По мнению Эдмондса, рабочий класс получает только треть стоимости создаваемого его трудом, а остальные две трети достаются предпринимателям (см. стр. 107, 116 и 288). Для Англии это до сих пор очень близко к истине. Заслуживает внимания также его взгляд на социальную причину *пауперизма* (стр. 109—110). *Ревенстон* издал в 1821 г. брошюру: «A few doubts as to the correctness of some opinions generally entertained on the subjects of population and political economy» («Несколько сомнений насчет правильности некоторых общераспространенных взглядов, относящихся к населению и политической экономии»); из сочинений *Годскина* (*Hodgskin*) для нас здесь имеют наибольшее значение: 1. «Labour defended against the claims of capital» («Защита труда против требований капитала»), London 1825. 2. «Popular political economy» («Популярная политическая экономия»). 3. «The natural and artificial right of property contrasted» («Естественное право собственности в его противоположности — искусственному»), London 1832. О Ревенстоне и Годскине см. у *Маркса* (назв. сочинен., стр. 306—380)²⁵. Кроме того, о Годскине есть работа *Эли Алевю*, «Thomas Hodgskin» (1787—1869). *Par Elie Halévy*. Paris 1903.

* «The history of trade-unionism», London 1894, p. 147. [«История тред-юнионизма», Лондон 1894, стр. 147]

словах, а в научных понятиях. Что же касается этих последних, то всякий сведущий и *беспристрастный* человек вынужден будет признать, что, например, Годскин по меньшей мере так же далеко отстоит от Маркса, как Родбертус. Теперь уже перестали называть Маркса учеником Родбертуса; следует думать, что скоро перестанут называть его и учеником английских социалистов 20-х годов прошлого века *. Однако довольно об этом. Хотя Маркс и не был «учеником» Годскина, Томпсона или Грея, но все-таки в высшей степени важно для истории социалистической теории то обстоятельство, что эти английские социалисты достигли редкой для своего времени ясности политико-экономических понятий и даже, как замечает тот же Маркс, сделали немаловажный шаг вперед по сравнению с Рикардо²⁷. В этом отношении они далеко опередили уо-

* Как относится на самом деле Годскин к Марксу, видно из той — заметьте, весьма сочувственной — критики, которой подвергаются взгляды Годскина в уже указанном мною III томе «*Theorien über den Mehrwert*»²⁶. В политической экономии Маркс так же относится к английским социалистам, как в научном объяснении истории — к Огюстену Тьерри, Гизо или Мишье. И тут и там не учителя, а только предшественники, подготовившие некоторый — правда, весьма ценный — материал для теоретического здания, построенного впоследствии Марксом. Что же касается предшественников Маркса, то в истории научного решения вопроса об эксплуатации наемного труда капиталом не следует ограничиваться английскими социалистами первой половины XIX века. Уже некоторые английские писатели XVII столетия обнаруживают довольно ясное понимание природы и происхождения этой эксплуатации (смотри, например, «*The Law of Freedom in a Platform: Or, True Magistracy Restored. Humbly presented to Oliver Cromwell. By Jerard Winstanley. London 1651*», р. 12 [«Закон свободы (в политике), или истинный восстановленный магистрат. С нижайшим почтением Оливеру Кромвелю. Джерар Уинстепли. Лондон 1651», стр. 12]; смотри также «*Proposals for Raising a College of Industry of all Useful Trades and Husbandry with Profit for the Rich, a Plentiful Living for the Poor, and a Good Education for Youth*», London 1695, р. 21 [«Предложения по созданию колледжа всех полезных ремесел и занятий, который даст прибыли богатым, обеспеченную жизнь бедным и хорошее образование молодежи», Лондон 1695, стр. 21]; наконец, «*Essays about the Poor, Manufactures, Trade Plantations and Immorality, etc. By John Bellers*», London 1699, р. 5—6 [«Заметки о бедных, мануфактурах, трудовых поселениях и безнравственности», Лондон 1699, стр. 5—6]). Странно, как никто еще не удосужился сделать то открытие, что Маркс заимствовал свою экономическую теорию у авторов только что названных мною сочинений.

пических социалистов Франции и Германии. Если бы наш Н. Г. Чернышевский был знаком с ними, то он, вероятно, перевел бы не Милля, а кого-нибудь из них.

В. ФРАНЦУЗСКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

I

Между тем как в Англии второй половины XVIII века совершалась «промышленная революция», во Франции происходила ожесточенная борьба третьего сословия со старым порядком. Третье сословие охватывало тогда, по известному выражению, весь французский народ, за исключением «привилегированных». Борьба с «привилегированными» являлась *политической* борьбой. Когда политическая власть была вырвана из рук «привилегированных» третьим сословием, оно, естественно, воспользовалось ею для устранения всех тех экономических и социальных учреждений, совокупность которых составляла основу старого политического порядка. В борьбе с этими учреждениями существенно заинтересованы были все весьма разнообразные элементы населения, входившие в состав третьего сословия. Поэтому все передовые французские писатели XVIII века сходились между собой в осуждении *старого* социально-политического порядка. Но это не все. Сходясь между собой в его осуждении, они мало различались один от другого и во взгляде на желательный для них *новый* общественный строй. Само собой разумеется, что в передовом лагере не могло не быть известных оттенков мнений. Однако, несмотря на эти оттенки, передовой лагерь единодушно стремился к водворению того общественного порядка, который мы называем теперь буржуазным. Сила этого единодушного стремления была так велика, что перед ней склонялись в то время даже люди, не сочувствовавшие буржуазному идеалу. Вот пример.

Очень известный тогда аббат де Мабли в своей полемике с физиократами высказался против частной собственности и против тесно связанного с нею общественного неравенства. Он, по его собственным словам, «не мог расстаться с приятной идеей общности имущества». Иначе сказать, он защищал коммунизм. Но этот убежденный коммунист счел своей обязанностью заявить, что идея общности

имуществом казалась ему неосуществимой. «Никакая человеческая сила, — писал он, — не могла бы попытаться теперь восстановить равенство, не причинив беспорядков, гораздо более значительных, нежели те, которые она захотела бы устранить» *²⁸. Такова была сила вещей: даже признавая в теории преимущество коммунизма, приходилось довольствоваться мыслью о замене старого порядка не коммунистическим, а — буржуазным.

Когда революция доставила торжество буржуазному порядку, немедленно началась взаимная борьба разнородных элементов, входивших в состав третьего сословия. Тот общественный слой, который представлял собою тогда зародыш нынешнего пролетариата, вступил в войну с «богатыми», поставленными им за одну скобку с аристократией. Хотя наиболее выдающиеся политические представители этого слоя, например Робеспьер и Сен-Жюст, были совершенно чужды коммунистических идей, но в лице «Гракха» Бабёфа коммунизм все-таки выступил на историческую сцену в последнем акте великой революционной драмы. Составленный Бабёфом и его единомышленниками «Заговор Равных»²⁹ являлся как бы прологом той до сих пор неоконченной борьбы между пролетариатом и буржуазией, которая составляет одну из самых характерных черт внутренней истории Франции XIX столетия. Впрочем, нет. «Заговор Равных» точнее будет назвать *прологом пролога* этой борьбы. В рассуждениях Бабёфа и его единомышленников мы встречаем только слабые, смутные намски на понимание исторической сущности осужденного ими на гибель нового общественного порядка. Они знают и на разные лады повторяют одно: «в истинном обществе не должно быть ни бедных, ни богатых» (*dans une véritable société il ne doit y avoir ni riches, ni pauvres*). А так как в обществе, созданном революцией, есть и бедные и богатые, то революция не может считаться оконченной до тех пор, пока это общество не уступит места *истинному*

* «Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques». Par Monsieur l'Abbé de Mably. A la Haye MDCCL XVIII, p. 15. [«Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ», г-па аббата Мабли, Гаага 1768, стр. 15.]

обществу *. Как далеки идеи «бабувистов» от тех идей, с которыми мы познакомились, изучая английский утопический социализм, очень хорошо видно из следующего.

Английские социалисты приписывают огромное историческое значение тому факту, что в распоряжении новейшего общества находятся могучие производительные силы. Наличие таких сил впервые дает, по их мнению, практическую возможность так преобразовать общество, чтобы в нем не было ни бедных, ни богатых. В противоположность этому, некоторые бабувисты охотно мирились с тем предположением, что осуществление их коммунистического идеала поведет за собой «гибель всех искусств», т. е., стало быть, между прочим, и технических. Манифест «Равных» прямо говорит: «Пусть погибнут, если это нужно, все искусства, лишь бы только у нас осталось действительное равенство» **. Правда, этот манифест, написанный С. Маршалем, не нравился многим бабувистам и даже не распространялся ими. Но сам Буонарроти сообщает, что, защищая план коммунистического переворота, он вместе с Дебоном, Дартэ и Лепеллетье рассуждал так: «Говорят, что неравенство ускорило прогресс полезных искусств; но если бы это и было верно, то все-таки оно теперь должно прекратиться, потому что новые успехи этих искусств отныне уже ничего не прибавят к действительному счастью людей» ***. Это значит, что отныне человечество уже не имеет значительной нужды в развитии техники. Вероятно, Маркс и Энгельс имели в виду, между прочим, подобные рассуждения бабувистов, когда говорили в своем «Манифесте Коммунистической партии», что революционная литература, сопутствовавшая первым движениям пролета-

* См. «Analyse de la doctrine de Babeuf, tribun du peuple, proscrit par le directoire exécutif pour avoir dit la vérité» [«Анализ доктрины Бабёфа, народного трибуна, преследуемого исполнительной директорией за то, что он высказывает правду»], напечатанный в приложении к известной книге Ф. Буонарроти: «Gracchus Babeuf et la conjuration des (gaux» [«Граксх Бабёф и заговор равных»] ³⁰. У меня в руках ее парижское, несколько сокращенное издание 1869 г.

** «Gracchus Babeuf» etc., p. 70.³¹

*** Ф. Буонарроти. «Граксх Бабёф и заговор равных», стр. 49 и 50.

риата, являлась реакционной, проповедуя всеобщий аскетизм и установление первобытного равенства¹².

Эта аскетическая черта отсутствует в сочинениях французских социалистов XIX столетия. Напротив, мы встречаем у них весьма сочувственное отношение к техническому прогрессу.

Можно, пожалуй, сказать, что даже странные и — нечего греха таить! — смешные мечты Фурье об антильвах, антиакулах, антибегемотах и других подобных им добрых животных, которые явятся со временем к услугам человечества и тем увеличат удобства его жизни, были не более как одетым в крайне фантастический костюм признанием важности и беспредельной обширности будущего технического прогресса. Но при всем том — и это имеет огромную важность для истории теории — французские социалисты-утописты в огромном большинстве случаев далеко уступают английским в понимании истинной природы непосредственных общественно-экономических результатов современного им прогресса техники.

II

Английские социалисты держались, как мы знаем, того взгляда, что рост производительных сил все более и более углубляет разделение общества на два класса: класс «богатых», с одной стороны, и «бедных» — с другой. При этом классовая противоположность «богатых» «бедным» представлялась им как противоположность класса предпринимателей классу наемных рабочих. Предприниматели присваивают себе большую часть стоимости, создаваемой трудом рабочих. Это было ясно уже Чарльзу Голлю, но лишь постепенно выяснялось французским социалистическим писателям. Да и те французские социалисты, которые поняли, что важнейшее противоречие современного общества есть противоречие интересов капитала с интересами наемного труда, никогда не представляли себе этого противоречия с той ясностью, о какой свидетельствуют сочинения Томпсона, Грея или Годскина.

Сен-Симон * явился прямым продолжателем того дела, которое делалось идеологами третьего сословия XVIII века.

* Род. 17 окт. 1760 г., ум. 19 мая 1825 г.

Он говорил не о том, что предприниматели эксплуатируют рабочих, а только о том, что предприниматели и рабочие, *вместе взятые*, подвергаются эксплуатации со стороны «праздного» класса, в состав которого входили главным образом аристократия и бюрократия. Предприниматели были в глазах Сен-Симона естественными представителями и защитниками интересов рабочих. Его ученики пошли дальше его. Анализируя понятие «праздный класс», они отнесли к его составу не только *землевладельцев*, эксплуатирующих «трудящийся класс» путем получения от него поземельной ренты, но также и *капиталистов*. Однако — заметьте это — под капиталистами они понимают только тех лиц, доход которых составляется из процентов на капитал. Прибыль предпринимателя совпадала, по их учению, с заработной платой *. Совершенно такую же неясность взгляда мы встречаем — и притом спустя четверть века! — у Прудона **. В марте 1850 года он писал: «Объединение буржуазии с пролетариатом означает теперь, как и прежде, освобождение крепостного, оборонительный и наступательный союз промышленников с трудящимися против капиталиста и дворянина». Яснее смотрит на дело Луи Блан ***. У него интересующая нас общественная противоположность является в виде противоположности *буржуазии народу*. Но, говоря о буржуазии, он имеет в виду «совокупность таких граждан, которые, обладая орудиями труда или капиталом, работают с помощью принадлежащих им средств и зависят от других только в известной мере». Что значит это «только»? И как понимать ту мысль Луи Блана, что граждане, совокупность которых составляет буржуазию, *работают* с помощью принадлежащих им средств? Значит ли это, что у него речь идет только о мелкой — *ремесленной* — буржуазии? Или это надо понимать в том смысле, что Луи Блан, подобно сен-симонистам, смотрел на прибыль предпринимателя, как на плату за его труд? На это нет ответа. Народ определяется у Луи Блана как «совокупность граждан, которые, не обладая капиталом, вполне зависят от других

* См. «Le Producteur», v. I, p. 245.

** Род. в 1809 г., ум. в 1865 г.

*** Род. в 1811 г., ум. в 1882 г.

в том, что касается первых потребностей жизни»*. Это не вызывает возражений само по себе. Но «зависеть от других» можно весьма различно, поэтому выдвигаемое Луи Бланом понятие народа не совпадает с тем гораздо более точным понятием наемного рабочего, с которым оперировали в своих исследованиях английские социалисты. Впрочем, Луи Блан вообще мало интересовался экономическими понятиями. Несравненно внимательнее относились к ним Жап Рейно** и Пьер Леру***, оба принадлежавшие прежде к школе сен-симонистов, но рано переставшие довольствоваться ее учением. Рейно утверждал, что *народ* состоит из *двух* классов, противоположных друг другу по своим интересам: пролетариата и буржуазии. Пролетариями он называл «людей, которые производят все богатство нации, не имея никакого другого дохода, кроме платы за свой труд». Под буржуа он понимал «людей, которые обладают капиталами и живут на доход с них». Признавая правильность этих определений, Пьер Леру попытался даже определить число пролетариев. По его расчету вышло, что их было во Франции до 30 миллионов****. Это, разумеется, слишком много. Такого числа пролетариев далеко нет и в нынешней Франции. Преувеличенность расчета объясняется тем, что к пролетариату Леру отнес не только крестьян, но и нищих, которых было, по его словам, до четырех миллионов. Подобную же ошибку сделал и Рейно, причисливши к пролетариату «деревенских крестьян», вопреки своему собственному определению понятия «пролетарий». В этом вопросе взгляды Рейно и Леру очень близки ко взглядам наших трудовиков⁵³.

Читатель сам понимает, почему экономические взгляды французских социалистов утопического периода не отличались ясностью, свойственной понятиям социалистов Англии: отличительные черты капиталистических отноше-

* «Histoire de dix ans». 1830—1840. 4-me éd., v. II, p. 4. [«История десяти лет», 4 изд., т. II, стр. 4.] Примечание.

** Род. в 1806 г., ум. в 1863 г.

*** Род. в 1797 г., ум. в 1871 г.

**** См. «De la plutocratie». Boussac 1848, p. 25 [«О плутократии». Буссак 1848, стр. 25].— Первое издание этой книги вышло в 1843 г.

ний производства были выражены в Англии гораздо резче, нежели во Франции.

Ясность экономических взглядов, свойственная тогдашним английским социалистам, не мешала им питать ту уверенность, что пролетариат и буржуазия — классы прямо противоположные один другому по своим экономическим интересам — могут в полном взаимном согласии взяться за дело общественной реформы. Английские социалисты видели наличность классовой борьбы в нынешнем обществе. Но они решительно осуждали ее и ни в каком случае не хотели приурочивать к ней осуществление своих реформаторских планов. В этом отношении не было никакой разницы между ними и большинством французских социалистов. Сен-Симон и сен-симонисты, Фурье и фурьеристы, Кабе, Прудон и Луи Блан, все они, сильно расходясь между собой по многим вопросам, были безусловно согласны в том, что общественная реформа предполагает не борьбу между классами, а их полное примирение.

Ниже мы увидим, что не все французские социалисты-утописты отвергали классовую борьбу. Но теперь нам необходимо запомнить, что большинство их относилось к ней отрицательно и что это их отрицательное отношение к ней объясняет, почему они и слышать не хотели о *политике*.

Наиболее выдающийся ученик Фурье, Виктор Консидеран* с радостью констатировал в половине тридцатых годов упадок во французском населении интереса к политике, объясняя его «теоретическими» ошибками политиков: эти последние, вместо того чтобы искать средства для примирения интересов, поддерживали их взаимную борьбу, «выгодную, — по словам Консидерана, — лишь для тех, которые торгуют ею»**.

Мирное настроение большинства социалистов-утопистов представляется на первый взгляд странным во Франции, где еще так недавно ревела буря великой революции и где передовые люди, казалось бы, должны были особенно дорожить революционной традицией. Но при ближайшем

* Род. в 1808 г., ум. в 1893 г.

** «Debaclé de la politique en France», Paris 1836, p. 16. [Крах политики во Франции], Париж 1836, стр. 16.]

рассмотрении становится несомненным, что именно воспоминание о недавней революции и предрасполагало передовых идеологов, подобных Консидерану, к поиску таких средств, которые могли бы положить конец классовой борьбе. Мирное настроение этих идеологов являлось психологической реакцией против революционных увлечений 1793 года. В своем огромном большинстве французские социалисты-утописты приходили в ужас при мысли о таком обострении взаимной борьбы интересов, каким ознаменовался этот всем тогда хорошо памятный год. Уже в первом своем сочинении «Théorie des quatre mouvements et des destinées sociales» *, вышедшем в 1808 г., Фурье с негодованием говорил о «катастрофе 1793 года», приблизившей, по его выражению, цивилизованное общество к состоянию варварства. С своей стороны Сен-Симон еще раньше Фурье называл французскую революцию ужасающим взрывом и величайшим из всех бичей **. Такое отношение к «катастрофе 1793 года» даже вызвало у Фурье отрицательный взгляд на просветительную философию XVIII века, которой он был обязан, однако, всеми основными положениями своей собственной теории. Сен-Симон тоже не одобрял названной философии, по крайней мере постольку, поскольку она представлялась ему разрушительной и поскольку он делал ее ответственной за события 1793 года. Важнейшей задачей общественной мысли XIX века являлось, по мнению Сен-Симона, исследование о том, какие меры надо принять, «чтобы положить конец революции»***. В 30-х и 40-х годах его последователи старались решить ту же задачу. Разница была лишь в том, что у них речь шла уже не о революции конца XVIII столетия, но о революции 1830 года. Одним из главных доводов их в пользу социальной реформы было то соображение, что она («association», «organisation») остановит революцию. Призраком революции пугают они своих противников. В 1840 году Анфантен ставил сен-симонистам в заслугу то, что в тридцатых годах они при виде пролетариата, только

* [«Теория четырех движений и всеобщих судеб»] ³⁴.

** Oeuvres choisies de C.-H. de Saint-Simon, t. I, Bruxelles 1859, pp. 20—21. [Избранные произведения К.-А. де Сен-Симона, т. I, Брюссель 1859, стр. 20—21.] ³⁵

*** Курсив наш.

что испробовавшего свои силы в успешном восстании против трона, кричали: «Voici les barbares!» («Варвары идут!») И он с гордостью прибавляет, что и теперь, десять лет спустя, он не перестает повторять тот же крик: «Варвары идут!» *.

III

Появление на исторической сцене пролетариата равносильно появлению на ней «варваров». Так думал Анфантен. Так думало большинство французских социалистов-утопистов **. И это очень характерно для их образа мыслей вообще и для их отношения к политической борьбе в частности. Социалисты-утописты горячо отстаивали интересы рабочего класса. Они беспощадно разоблачали многие противоречия буржуазного общества. Под конец своей жизни Сен-Симон учил, что «все общественные учреждения должны иметь целью нравственное, умственное и физическое улучшение класса наиболее многочисленного и наиболее бедного». Фурье с благородным негодованием твердил, что положение рабочих в цивилизованном обществе хуже, нежели положение диких зверей ***. Но, оплакивая печальное положение рабочего класса и всеми силами души стремясь помочь ему, социалисты-утописты не верили в его самостоятельность, а когда верили в нес, то она пугала их. Как мы только что видели, для Анфантена появление пролетариев было равносильно нашествию варваров. Сен-Симон еще в 1802 году писал, обращаясь к «классу, не имеющему собственности»: «Посмотрите, что произошло во Франции в то время, когда там господствовали ваши товарищи: они породили голод» ****.

Интересный контраст: вплоть до февральской революции 1848 года идеологи буржуазии отнюдь не были противниками политической борьбы классов. В 1820 году Гизо

* «Correspondance politique», 1835—1840, Paris 1849, p. 6. [«Политическая корреспонденция», 1835—1840, Париж 1849, стр. 6.]

** Отголосок такого взгляда на пролетариев слышится также в некоторых рассуждениях А. И. Герцена.

*** *Oeuvres complètes de Ch. Fourier*, Paris 1841, t. IV, pp. 191—192. [Полное собрание сочинений Ш. Фурье, Париж 1841, т. IV, стр. 191—192.] ³⁶

**** *Oeuvres choisies*, v. I, p. 27. [Избранные произведения, т. I, стр. 27.] ³⁷

писал, что средний класс должен овладеть политической властью, если желает обеспечить свои интересы в борьбе с реакционерами, которые с своей стороны стремятся захватить власть и воспользоваться ею сообразно своим интересам *. А когда реакционеры упрекнули его в том, что, проповедуя борьбу классов, он будто бы возбуждает дурные страсти, они услышали от него, что вся история Франции «сделана» войною классов и что им стыдно забывать эту историю только потому, что «ее выводы» оказались неблагоприятными для них **.

Гизо верил в самодеятельность «среднего класса», т. е. буржуазии, и нисколько не боялся этой самодеятельности. Поэтому он доказывал необходимость политической борьбы классов. Конечно, и он отнюдь не одобрял «катастрофы 1793 года»; далеко нет! Но до поры до времени он считал ее повторение невозможным. В 1848 году он иначе стал смотреть на этот вопрос, и тогда он в свою очередь сделался сторонником социального мира. Так совершался и видоизменялся ход развития общественной мысли в связи с ходом развития общественной жизни.

Теперь пора напомнить читателю, что социалистическое *меньшинство* тогдашней Франции вовсе не было ни против политики, ни против классовой борьбы. Меньшинство это значительно отличалось по образу мыслей от большинства, о котором я до сих пор говорил. Оно происходило по прямой линии от Бабёфа и его единомышленников. Один из деятельных участников «Заговора Равных», потомок Микель-Анджело, Филиппо Буонарроти ***, тосканец, сделавшийся французским гражданином по постановлению Конвента, явился в утопическом социализме XIX века носителем революционной традиции бабувистов. Изданное им в 1828 году в Брюсселе и уже упомянутое мною выше сочинение «Histoire de la conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, suivie du procès auquel elle a donné

* «Du Gouvernement de la France et du ministère actuel», Paris 1820, p. 237. [«О правительстве Франции и современном министерстве», Париж 1820, стр. 237.]

** См. Avant-propos [Предисловие] третьего издания только что цитированного сочинения «Du Gouvernement de la France».

*** Род. в 1761 г. в Пизе, ум. в 1837 г. в Париже.

Пену» * имело огромное влияние на образ мыслей революционного меньшинства французских социалистов **. Уже тот факт, что меньшинство это подчинилось влиянию одного из бывших участников «Заговора Равных», показывает, что, в отличие от большинства, оно не смущалось воспоминаниями о «катастрофе 1793 года». Самый знаменитый представитель этого меньшинства, Огюст Бланки ***, до конца своей долгой жизни остался неукротимым революционером.

Если Сен-Симон настаивал на необходимости таких мероприятий, которые *положили бы конец* революции, и если в этом отношении с ним было вполне согласно большинство французских социалистов, то меньшинство их, испытавшее на себе влияние бабувизма, вполне разделяло мнение «Равных», что революция еще не кончена, так как богатые захватили все жизненные блага. Тут и коренится главное различие между двумя направлениями французского утопического социализма: одним хотелось положить конец революции; другие стремились продолжить ее.

Те, которые хотели положить конец революции, естественно, стремились к тому, чтобы согласить все борющиеся между собой общественные интересы. Консидеран писал: *«Для каждого класса лучшее средство обеспечения его частных интересов заключается в том, чтобы связать их с интересами других классов»*****. Так думали все мирные социалисты-утописты. Они расходились между собой лишь по вопросу о том, какие же меры следует принять, чтобы согласить интересы всех классов общества. Почти каждый из мирных основателей социалистических систем придумывал свой особый план для обеспечения интересов *и.мущего класса*. Например, Фурье рекомендовал так рас-

* [«История заговора во имя равенства, именуемого заговором Бабёфа. С приложением материалов связанного с ним процесса»]²⁸.

** Об этом см. в книге И. Чернова, «Le parti républicain en France», Paris 1901, pp. 80—89, 281—292. [«Республиканская партия во Франции», Париж 1901, стр. 80—89, 281—292.] Надо заметить, впрочем, что у г. Чернова неправильно характеризовано отношение Бланки к бабувизму и к сен-симонизму.

*** Род. в 1805 г., ум. 1 янв. 1881 г.

**** «Débacle de la politique en France». [«Крах политики во Франции».] Курсив Консидерана, p. 63.

пределять продукт труда в будущем обществе, чтобы на долю трудящихся приходилось пять двенадцатых, на долю капиталистов — четыре двенадцатых и, наконец, на долю представителей таланта — три двенадцатых всей совокупности названного продукта. И все остальные мирные утопические планы распределения неизменно делали те или другие уступки капиталистам: иначе интерес имущего класса остался бы необеспеченным, вследствие чего утратила бы всякое основание надежда на *мирное решение социального вопроса*. Не принимать во внимание интересов капиталистов — и вообще «богатых» — могли только те социалисты, которые не боялись потерять эту надежду, т. е. те, которые предпочитали *революционный способ действия*. Такой способ предпочитали «бабувисты» в конце XVIII века, и к нему же склонялись в XIX столетии французские социалисты, испытавшие на себе влияние бабувистов. Не находя нужным щадить интерес «богатых», люди этого образа мыслей прямо объявляли себя не только революционерами, но также и коммунистами. Вообще в течение рассматриваемой эпохи понятие «социализм» расходилось во Франции с понятием «коммунизм» именно в том, что в своих проектах будущего общественного устройства социалисты допускали известное — иногда очень большое — имущественное неравенство, а коммунисты отвергали его.

Как мы только что видели, склонность к революционному образу мыслей должна была облегчить французским реформаторам усвоение коммунистической программы. И в самом деле, революционеры вроде Теодора Дезами* и Огюста Бланки держались коммунизма. Однако не все коммунисты были революционерами. Наиболее видным

* О нем мало говорят историки французского социализма, хотя взгляды его заслуживают в некоторых отношениях большого внимания. К сожалению, недостаток места не позволяет и мне изложить здесь его учение. Скажу лишь вот что: оно яснее всякого другого показывает, как тесна была идейная связь французских социалистов-утопистов и особенно их левого крыла — коммунистов — с французскими материалистами XVIII века. Дезами опирается преимущественно на Гельвеция, которого он называет мужественным новатором и бессмертным мыслителем. Главное сочинение Дезами, «Code de la communauté» [«Кодекс общности»]³⁹, вышло в Париже в 1843 г. В 1841 г. он издавал газету «L'Humanitaire». Интересно, что Маркс в своей полемике с братьями Бауэрами называет направление Дезами научным⁴⁰.

представителем мирного коммунизма был Этьен Кабе *. Он самым выпуклым образом выразил мирную тенденцию большинства французских социалистов, сказав: «Если бы революция была у меня в руке, то я не разжал бы руки даже в том случае, если бы мне пришлось умереть в изгнании» **. Подобно просветителям XVIII века, Кабе верил во всемогущество разума. Он рассчитывал, что выгоды коммунизма могут быть поняты и оценены даже имущим классом. Коммунисты-революционеры не надеялись на это и потому проповедовали классовую борьбу.

Впрочем, не надо думать, что их тактика была похожа на тактику нынешней международной социал-демократии, тоже, как известно, не отвергающей ни классовой борьбы, ни политики. Они были *заговорщиками* по преимуществу. В истории международного социализма едва ли можно найти другого такого типичного *заговорщика*, каким был Огюст Бланки. Тактика заговора отводит мало места для самостоятельности *массы*. Хотя французские коммунисты-революционеры больше рассчитывали на массу, нежели современные им мирные социалисты, но, согласно их представлению о будущем преобразовании общества, масса должна была только *поддержать* заговорщиков, главное же действие должно было целиком исходить от этих последних***. Заговорщицкая тактика всегда служит безошибочным показателем неравенства рабочего класса. Она отходит в область прошлого, когда он достигает известной степени зрелости.

IV

Социалисты-утописты всех оттенков твердо верили в прогресс человечества. Мы знаем, каким ободряющим образом действовала на молодого М. Е. Салтыкова та

* Род. в 1788 г., ум. в 1856 г.

** «Voyage en Icarie», 1855, p. 565.⁴¹ Курсив в подлиннике. Первое издание этой книги («Путешествие в Икарию») вышло в марте 1842 г. Это — самое известное из всех сочинений Кабе; в нем описывается жизнь воображаемого коммунистического общества.

*** Об отношении Ф. Буонарроти к народной самостоятельности см. интересное замечание у *Paul Robiquet*, «Buonarroti et la secte des Egaux d'après les documents inédits», Paris 1910, p. 282. [*Поль Робике*, «Буонарроти и секта Равных по неопубликованным документам», Париж 1910, стр. 282.]

мысль Сен-Симона, что золотой век находится не позади, а впереди нас ⁴². Но твердая вера в прогресс свойственна была также и просветителям XVIII в.: достаточно напомнить благородного Кондорсе. Отличительной чертой социализма служит, собственно, не вера в прогресс, а убеждение в том, что прогресс ведет к устранению *«эксплуатации человека человеком»*. Оно настойчиво повторяется в речах и сочинениях сен-симонистов *. «В прошлом, — говорили они, — общественный строй всегда, в большей или меньшей степени, основывался на эксплуатации человека человеком; отныне самый важный прогресс будет состоять в прекращении этой эксплуатации, в каком бы виде она ни представлялась» **. К этому же стремились и социалисты всех других школ. В своих планах общественного устройства они далеко не всегда подходили вплотную к этой цели. Как мы уже знаем, планы эти часто мирились с известным общественным неравенством, которое могло в последнем счете основываться лишь на «эксплуатации человека человеком». Только коммунисты избежали этой непоследовательности, объясняющейся, с одной стороны, стремлением примирить интересы всех классов, чтобы избежать классовой борьбы, а с другой — неясным пониманием того, в чем, собственно, заключается *экономическая сущность* названной эксплуатации. Коммунист Дезами не без основания ставил на вид сен-симонистам, что их «аристократия способностей» (*l'aristocratie des capacités*) и «политическая теократия» на практике привели бы почти к тому же, что мы видим в нынешнем обществе ***. Но дело было не в планах будущего общественного устройства, которые ведь все равно не осуществились. Важно было то, что в общественное обращение социалисты-утописты пустили великую мысль, ставшую со временем, когда она проникла в головы рабочих, самой могучей культурной силой XIX столетия. Проповедь этой мысли составляет

* У самого Сен-Симона можно найти только намеки на него; как уже сказано, сен-симонисты в некоторых отношениях пошли значительно дальше своего учителя.

** См. «*Doctrine saint-simonienne*». — Exposition, Paris 1854, р. 207. [«Учение Сен-Симона»⁴³. Изложение, Париж 1854, стр. 207.]

*** «*Code de la communauté*»⁴⁴, р. 49. [«Кодекс общности», стр. 49.]

едва ли не самую большую заслугу утопического социализма.

На разные лады доказывая необходимость устранения эксплуатации человека человеком, утопический социализм не мог не коснуться и вопроса о влиянии этой эксплуатации на общественную нравственность. Уже английские социалисты — особенно Оуэн и Томпсон — немало распространялись о том, что она развращает как эксплуатируемых, так и эксплуататоров. Та же самая тема занимает большое место в сочинениях французских социалистов. Оно и понятно. Если характер человека определяется условиями его развития — а это повторяли все без исключения социалисты-утописты, — то ясно, что он будет хорош только в том случае, если станет развиваться при хороших условиях. Чтобы эти условия были хороши, надо устранить недостатки нынешнего общественного устройства. Социалисты-утописты XIX в. отвергали аскетизм, в тех или других выражениях провозглашая «реабилитацию плоти» *. Им приписывали на этом основании стремление «разнуздать дурные страсти», обеспечить торжество *низших* потребностей человека над высшими. Это неумная клевета. Социалисты-утописты никогда не пренебрегали духовным развитием людей. Некоторые из них прямо говорили, что именно в интересах духовного развития нужна, как его предварительное условие, социальная реформа. Уже у сен-симонистов мы находим поразительно меткие указания на то, как низко стоят шансы нравственности в нынешнем обществе. По их словам, оно не умест *предупреждать* преступлений, а умеет только *наказывать* их; поэтому «палач является единственным патентованным профессором нравственности» **. Интересно, что, отвергая «палача», сен-симонисты вообще отвергали насилие как средство улучшения человеческой нравственности. И в этом с ними опять были согласны социалисты всех других школ. Даже

* Иногда эта «реабилитация» сама представлялась в утопическом виде. Пример: некоторые фантазии Анфаптена на тему о взаимных отношениях полов. Но по своему существу она означала намерение «здесь, на земле, основать царство небесное», как выразился впоследствии Гейне⁴⁵. (См., между прочим, «De l'Humanité» Пьера Леру, т. I, стр. 176 и след.; издание 1845 г.)

** «Doctrine saint-simonienne», p. 235. ⁴⁶

коммунисты-революционеры признавали насилие лишь в смысле средства для устранения препятствий, стоящих на пути к общественному преобразованию. Они так же энергично, как и сен-симонисты, отрицали способность «палача» быть «профессором» общественной нравственности. Они также хорошо понимали, что преступления предупреждаются не наказаниями, а только устранением тех общественных причин, которые располагают ко злу волю человека. В этом смысле самые крайние революционеры, самые неутомимые заговорщики были убежденными проповедниками «непротавления злу насилием».

V

Чрезвычайно важны также взгляды социалистов-утопистов на *воспитание*. Мы уже знаем, как тесно связаны были у Р. Оуэна заботы о воспитании молодого поколения с его учением об образовании человеческого характера. Но это учение разделялось социалистами всех стран. Неудивительно, что все они приписывали воспитанию огромную важность. Из французских социалистов-утопистов самые глубокие взгляды на воспитание высказал Фурье.

Человек не рождается испорченным, его портят обстоятельства. Ребенок имеет в зародыше все страсти, свойственные взрослому человеку. Надо не подавлять их, а уметь дать им надлежащее направление. При надлежащем направлении страсти станут, — говорил Фурье, — источником всего доброго, великого, полезного и великодушного. Но нельзя как следует направить их при нынешнем общественном порядке. Его противоречия ставят педагога в безвыходное положение, вследствие чего воспитание есть теперь лишь пустое слово. Дети бедняков не могут быть воспитываемы так же, как воспитываются дети богатых и привилегированных людей. Сын бедняка выбирает свою карьеру по указаниям нужды; ему нельзя подчиняться своим естественным склонностям. Сын богатого человека имеет, правда, материальную возможность следовать своему призванию; но его характер портится под развращающим влиянием того исключительного положения, которое занимает в обществе привилегированный

класс. Воспитание перестанет быть пустым словом только тогда, когда «цивилизация» — как называл Фурье буржуазный строй — уступит место разумному общественному порядку. Теперь работа составляет тяжелое бремя, проклятие для трудящихся. В общине, устроенной согласно требованиям разума, — в фаланстере — она станет привлекательным (*attrayant*) занятием. Зрелище труда, с увлечением исполняемого группами взрослых, в высшей степени благотворно подействует на подрастающее поколение. Оно от младых ногтей привыкнет любить работу. И это будет тем легче для него, что дети вообще любят трудиться: они всегда охотно подражают работам взрослых. Эта их склонность найдет правильное применение только в фаланстере. Там все детские игрушки станут в то же время орудием труда, а всякая забава — производительным занятием. Так, без принуждения, забавляясь и подражая, ребенок научится всем тем работам, к каким он чувствует призвание. Но этого мало. *Труд* должен быть осмыслен *знанием*, а знание должно приобретаться молодым поколением в процессе полезного для общества труда. Это значит, между прочим, что, по мнению Фурье, обучение должно принять тот характер, который нынешние педагоги обозначают термином: *лабораторная система*. И это обучение, по возможности происходящее под открытым небом, не будет иметь в себе ничего *принудительного*. Дети и юноши сами, по совершенно свободному выбору, будут определять, чему и у кого им надо учиться.

Только такая система обучения способна, по мнению Фурье, дать наибольшее развитие природным способностям ребенка. Ее благотворное действие будет дополнено тем, что устранение нынешних общественных противоречий даст широкий простор развитию общественного инстинкта людей. Производительность труда достигнет наибольшей высоты только там, где человек будет предаваться любимым занятиям *в обществе симпатичных ему товарищей*.

Читатель согласится, что все эти педагогические соображения имеют большую ценность. Прибавлю еще одну очень интересную черту. Фурье находил, что, уже начиная с трех-четырех лет, детей надо приучать посредством разного рода совместных упражнений *к размеренным*

движениям: нечто вроде ритмической гимнастики Жака Далькроза, везде встречаемой теперь с таким одобрением. «*Размеренная или материальная гармония*» («l'harmonie mesurée ou matérielle») была в системе гениального французского утописта одним из условий гармонии страстей («l'harmonie passionnelle») *.

VI

Утопический французский социализм высказывался также по вопросам искусства. О них немало писали сепсимонисты, стремившиеся сделать поэта пророком, глашатаем новых социальных истин. Но едва ли не вдумчивее всех других социалистов-утопистов отнесся к этим вопросам Пьер Леру.

Леру писал, что в отличие от промышленности, имеющей целью воздействие на внешний мир, искусство служит выражением нашей собственной внутренней жизни. Другими словами, оно есть «сама наша внутренняя жизнь, которая сообщает о себе другим людям, реализуется, старается себя увековечить» **. Исходя из своей мысли, Леру утверждает, что искусство не есть ни воспроизведение природы, ни подражание ей. Точно так же оно не может подражать искусству, т. е. искусство данного времени не может служить воспроизведением искусства другой эпохи. Истинное искусство всякого данного исторического периода выражает стремления именно этого периода, а не какого-нибудь другого. «Искусство растет от поколения к поколению, подобно большому дереву, которое с каждым годом поднимается все выше и выше к небу, в то же время все глубже и глубже погружая свои корни в землю» ***. Принципом искусства называют прекрасное. Но это неправильно, так как художники сплошь и рядом изобра-

* См. Oeuvres complètes de Fourier, v. V, pp. 1—84. [Полное собрание сочинений Фурье, т. V, стр. 1—84.] О ритме — стр. 75—80 ⁴⁷.

** См. его «Discours aux artistes» [«Речи к артистам»], появившуюся впервые в ноябрьской и декабрьской книжках «Revue Encyclopédique» [«Энциклопедического обзора»] за 1831 год и перепечатанную в его Oeuvres, Paris 1850, v. I. [Сочинения, Париж 1850, т. I]. Цитированные строки находятся на стр. 66.

*** Там же, стр. 67.

жают предметы некрасивые, отталкивающие или даже прямо ужасные. Область искусства гораздо шире области прекрасного, потому что искусство есть художественное выражение жизни, а в жизни далеко не все прекрасно *. Но что же значит в таком случае художественно выражать жизнь? По мнению Леру, это значит выражать ее посредством символов. Он вполне категоричен на этот счет. «Единственный принцип искусства есть символ», — утверждает он («Le principe unique de l'art est le symbole») **. Однако под символическим выражением он понимает вообще *образное* выражение жизни. Когда В. Г. Белинский говорил, что мыслитель выражает свои идеи посредством силлогизмов, а художник посредством образов, он вполне сходил с Леру ***. Развивая дальше свои взгляды, «Петр Рыжий» приходил к тому заключению, что художник свободен, но не так независим, как это воображают иные. «Искусство есть жизнь, которая обращается к жизни». Художник совершает ошибку, если он игнорирует окружающую его жизнь. *Искусство для искусства* представляется Леру «особым родом эгоизма» ****. Но он чувствует, что «искусство для искусства» все-таки есть плод неудовлетворенности художников окружающей их общественной средой. Поэтому он готов предпочесть его тому пошлому искусству, которое выражает низкие — Леру говорит: «низко материалистические» — склонности буржуазного общества. По крайней мере, он гораздо выше этого последнего искусства ставит «болезненную» поэзию, породившую «Вертера» и «Фауста» Гёте. «Поэты, — восклицает он, — изобразите нам сердца такие же гордые,

* Эта мысль высказывалась потом Н. Г. Чернышевским и гр. Л. Толстым.

** Там же, стр. 65—67.

*** Известно, что передовые русские западники сороковых годов с огромной симпатией относились к Пьеру Леру, которого они, для осторожности, окрестили «Петром Рыжим»⁴⁸. Конечно, они сочувствовали ему не только за его *литературные* взгляды. Но не мешает отметить также их согласие с ним и в том, что касается основных вопросов эстетики.

**** Из статьи «Considérations sur Werther et en général sur la poésie de notre époque» («Соображения о Вертере и вообще о поэзии нашей эпохи»), появившейся в 1839 г. и перепечатанной в первом томе сочинений Леру, стр. 431—451. Замечание об эгоизме искусства для искусства находится в нем на стр. 447.

такие же независимые, как те, которые изображал Гёте; но только поставьте этой независимости известную цель, чтобы она превратилась благодаря этому в героизм... Одним словом, обнаружьте перед нами во всех ваших сочинениях связь личного благополучия с судьбой общества... Сделайте из титанов Гёте и Байрона людей, но не отнимайте у них при этом их благородного характера» *. В свое время взгляды эти сыграли значительную роль в истории литературного развития Франции. Так, всем известно, что они имели большое влияние на литературную деятельность Жорж Занд. Вообще, если среди французских романтиков были люди, отвергавшие принцип искусства для искусства, — например, кроме Жорж Занд, Виктор Гюго, — то вполне позволительно думать, что их литературные взгляды сложились не без влияния тогдашней социалистической литературы.

С. НЕМЕЦКИЙ УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

I

Во Франции и в Англии утопический социализм был в теоретическом отношении теснейшим образом связан с французской просветительной философией XVIII века. О немецком утопическом социализме это можно сказать только отчасти. Между немецкими социалистами были люди, взгляды которых сложились под *непосредственным* влиянием французского *утопического социализма* и, следовательно, — под *косвенным* воздействием французских *просветителей*. Но между ними были также люди, общественные взгляды которых опирались на выводы не французской, а немецкой философии. Больше всех других немецких философов повлиял на ход развития немецкой социалистической теории Людвиг Фейербах. В немецком социализме была целая школа, теоретические построения которой совершенно непонятны без предварительного знакомства с философией автора «Сущности христианства» (так называемый истинный или философский социализм). Вот почему я коснусь этой школы лишь в статье о движе-

* Там же, стр. 450. (См. последнее подстрочное примечание на стр. 55. *Ред.*)

нии философской немецкой мысли от Гегеля до Фейербаха⁴⁹. Здесь же речь пойдет у меня только о том течении германского социализма, которое чуждалось немецкой философии и вызвано было воздействием на германские умы французской социалистической литературы.

Если тогдашняя Франция далеко отставала на пути экономического развития от Англии, то Германия тащилась далеко позади Франции. В Пруссии более трех четвертей населения жило в деревнях, а во всех германских городах преобладало ремесленное производство. Новейший промышленный капитализм сделал значительные успехи только в очень немногих провинциях, например в Рейнской Пруссии. Правовое положение немецкого подмастерья может быть характеризовано словами: полная незащитность от полицейского произвола. «Кто хоть раз побывал утром в Венском полицейском управлении, — пишет Фиоланд, — помнит, как целые сотни подмастерьев стояли по целым часам в узком коридоре, дожидаясь окончания пересмотра их «путевых книг», между тем как полицейский, с саблей или с палкою в руке, присматривал за ними, подобно надсмотрщику за рабами. Полиция и юстиция будто сговорились довести этих бедняков до отчаяния»*. Вот эти-то доведенные до отчаяния бедняки, с которыми власть обращалась, по выражению того же Фиоланда, как со скотом, и явились в Германии тридцатых и сороковых годов главными распространителями идей французского социализма. Из их же среды вышел выдающийся коммунистический писатель Вильгельм Вейтлинг** (по ремеслу портной). Взглядам Вейтлинга будет отведено здесь главное место. Но, прежде чем перейти к ним, я хочу сказать несколько слов об одном произведении даровитого, но рано умершего Георга Бюхнера***.

Произведение это представляет собою «подпольное» издание и называется «Der Hessische Landbote» («Гессен-

* См. *Bernhard'a Becker'a*, «Die Reaktion in Deutschland gegen die Revolution von 1848», Braunschweig 1873, S. 68. [*Бернард Беккер*, «Реакция в Германии против революции 1848», Брауншвейг 1873, стр. 68.]

** Род. в 1808 году, в 1849 году переселился в Америку, умер в 1871 году⁵⁰.

*** Род. в 1813 г., ум. в 1837 г. Это был брат известного впоследствии Людвиг Бюхнера.

ский Сельский Вестник»)⁵¹. Оно было напечатано в июле 1834 г. в тайной типографии в Оффенбахе и обращалось главным образом к *крестьянству*. Это замечательный факт. Прямых обращений к крестьянству мы не находим ни в английской, ни во французской социалистической литературе. Да и в Германии «Гессенский Сельский Вестник» остался одиноким явлением. Вейтлинг и его единомышленники писали свои сочинения для рабочего класса, т. е., собственно, для ремесленников. Только русские социалисты 70-х годов прошлого века стали обращаться в своих воззваниях главным образом к крестьянству.

Содержание «Гессенского Сельского Вестника» тоже, можно сказать, народническое. Речь идет в нем «о непосредственных народных нуждах» (чтобы употребить здесь выражение, к которому часто прибегали наши народники). Бюхнер противопоставляет в нем привольную жизнь богатого, похожую на один сплошной праздник, горькой жизни бедняка, напоминающей бесконечные трудовые будни. Затем он указывает на давящее народ бремя налогов и подвергает резкой критике существующую систему управления. Наконец, он советует народу подняться против своих притеснителей и ссылается на исторические примеры, в особенности на французские революции 1789 и 1830 годов, доказывающие возможность победоносного народного восстания.

Революционное обращение к крестьянам не имело в то время никаких шансов на успех. Крестьяне передали властям экземпляры «Гессенского Сельского Вестника», разбросанные ночью у их жилищ. Оставшаяся нераспространенной часть издания была захвачена полицией, а самому Бюхнеру пришлось спасаться бегством. Но то обстоятельство, что он говорил с крестьянами языком революционера, характерно для немецкой социалистической мысли тридцатых годов. «Friede den Hütten! Krieg den Palästen!» («Мир хижинам! Война дворцам!»)⁵² — воскликнул Бюхнер в своем «Вестнике». Это был призыв к классовой борьбе. С таким же призывом обращался к своим читателям и Вейтлинг. Мирное настроение обнаружилось и на время стало господствовать только в сочинениях тех немецких социалистических писателей, которые вышли из философской школы Фейербаха.

Проповедуя борьбу классов, Бюхнер не уяснил себе, однако, значения политики в классовой борьбе. Он не дорожил преимуществами конституционного режима. Подобно нашим народникам, он боялся, что конституция, принеся с собою господство буржуазии, еще более ухудшит положение народа. «Если бы нашим конституционалистам удалось свергнуть немецкие правительства и основать единую монархию или республику * , то это создало бы у нас денежную аристократию, как во Франции. Уж пусть лучше дело остается так, как оно есть». Такой взгляд на конституцию тоже роднит Бюхнера с нашими народниками. В качестве революционера он не был, конечно, сторонником существовавшего тогда безобразного политического порядка. Он тоже стоял за республику, но не за такую, которая привела бы с собой господство денежной аристократии. Он хотел, чтобы революция прежде всего обеспечила материальные интересы народа. С другой стороны, он считал бессильным немецкий либерализм именно потому, что тот не хотел и не умел положить интересы трудящейся массы в основу своих политических стремлений.

Для Бюхнера вопрос свободы был вопросом силы. Эта самая мысль, которую много лет спустя так хорошо развивал Лассаль в своей речи о сущности конституции⁵³.

Бюхнер написал также драму «Danton's Tod» («Смерть Дантона») ⁵⁴. Не входя в ее литературную оценку, я замечу только, что «пафосом» этой драмы является тщетное и потому мучительное искание законосообразности в великих исторических движениях. В одном из писем к своей невесте, относящихся, по-видимому, к той эпохе, когда Бюхнер работал над своей драмой, он говорил: «Уже в течение нескольких дней я каждую минуту берусь за перо, но не могу написать ни слова. Я изучал историю революции. Я чувствовал себя как бы раздавленным ужасным фатализмом истории. Я вижу в человеческой природе отвратительную заурядность, в человеческих же отношениях — непреодолимую силу, принадлежащую всем вообще и никому в частности. Отдельная личность есть лишь пена на

* Конституционалисты стремились к политическому объединению Германии.

поверхности волны; величие — лишь случай; власть гения — лишь кукольная комедия, смешное стремление бороться против железного закона, который, в лучшем случае, можно лишь узнать, но который невозможно подчинить своей воле»⁵⁵. Утопический социализм XIX столетия не справился с вопросом о законосообразности исторического развития человечества, как не справились с ним и французские просветители XVIII века. Скажу больше. Социализм рассматриваемой эпохи потому и был утопическим, что не умел решить указанный вопрос. Однако настойчивое стремление решить его показывает, что Бюхнер уже не довольствовался точкой зрения утопического социализма. Когда А. И. Герцен писал свою книгу «С того берега», он бился над тем же самым вопросом, который гораздо раньше его мучил Г. Бюхнера.

II

Я сказал, что ремесленные подмастерья явились в Германии носителями французских социалистических идей. Это произошло вот как. Известно, что, окончив свое учение, подмастерья посвящали несколько лет путешествиям. Во время таких путешествий они нередко уходили за пределы Германии и, попадая в более развитые страны, примыкали к тамошним передовым общественным движениям. Во Франции они знакомились с социализмом, причем больше всего сочувствовали его крайнему оттенку — *коммунизму*. Самый выдающийся теоретик тогдашнего немецкого социализма, уже упомянутый мною портной Вейтлинг, тоже испытал на себе влияние французских социалистов-утопистов и тоже сделался коммунистом.

Утопический социализм апеллировал не к объективному ходу исторического развития, а к хорошим чувствам людей. Он был, как выражаются теперь немецкие писатели, *социализмом чувства*. Вейтлинг не составлял исключения из общего правила. Он тоже взывал к чувствам, подкрепляя свои воззвания выписками из Библии. Его первое сочинение «Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte» («Человечество как оно есть и каким ему следовало бы быть»), вышедшее в 1838 г., начинается словами из Евангелия: «И когда увидел Христос народ, то опеча-

лился и сказал ученикам своим: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою».

Эти слова Евангелия Вейтлинг объясняет в том смысле, что жатва есть созревающее для совершенства человечество, а общность имущества на земле — его плод. «Заповедь любви приглашает вас к жатве, — говорит он, обращаясь к своим читателям, — а жатва к наслаждению. И если вы хотите жать и наслаждаться, то исполните этим заповедь любви» *.

Оуэн исходил из учения об образовании человеческого характера, т. е. из известного понятия о человеческой природе. На такое же понятие опирались, более или менее видоизменяя его каждый по-своему, французские социалисты-утописты. На него же опирается и Вейтлинг. Он исходит, следуя за Фурье, из анализа страстей и потребностей человека. На основании результатов этого анализа он строит план будущего общества**. Однако он не придает своему плану безусловного значения. По его словам, такого рода планы хороши, собственно, тем, что доказывают возможность и необходимость общественной реформы. «Чем больше будет таких работ, тем больше будет у народа доказательств в ее пользу. Но лучший план мы все-таки должны будем написать своей кровью»***. Тут уже слышится более или менее смутное сознание того, что характер будущего общества определится объективным ходом общественного развития, выражающегося, между прочим, в революционной борьбе классов. Вейтлинг обращается уже не к «богатым» и даже не ко всему человечеству без различия званій и состояний, а только «к людям труда и заботы». Он резко осуждает Фурье за сделанную им в своем плане распределения продуктов уступку капиталу. Делать подобные уступки — значит, по мнению Вейтлинга, класть

* См. стр. 7 нью-йоркского издания этого сочинения, 1854 г.

** Десять крестьян образуют «Zug» и выбирают «Zugführer'a»; десять Zugführer'ов выбирают «Ackermann'a»; сто Ackermann'ов выбирают «Landwirtschaftsrath'a», а он выбирает и пр. и пр. («Die Menschheit», стр. 32). Так организуются в будущем обществе земледельческие работы. В такие же подробности входит Вейтлинг, описывая другие стороны его жизни. Приводить их здесь я не вижу никакой надобности.

*** Там же, стр. 30.

старые заплаты на новую одежду человечества и насмеяться над нынешним и всеми будущими поколениями *. Он говорил, что всякая замена старого новым есть революция. Поэтому коммунисты не могут не быть революционерами. Однако революции не всегда будут кровавыми **. Мирный переворот для коммунистов более желателен, нежели кровавый. Но ход преобразований зависит не от них, а от поведения высших классов и правительств. «В мирные времена, — писал Вейтлинг, — будем учить, в бурные — действовать ***. К этой формуле он делал, однако, такие оговорки, которые показывают, что он имел не вполне ясное представление о характере пролетарского действия, равно как и о том, чему именно надо «учить» рабочих. По его словам, человечество уже теперь вполне созрело для понимания всего того, что может помочь ему удалить нож, приставленный к его горлу. Вейтлинг осуждает то мнение Маркса, что Германия в своем историческом движении к коммунизму не может миновать промежуточный фазис господства буржуазии. Ему хотелось, чтобы Германия перескочила через него совершенно так же, как впоследствии нашим народникам хотелось, чтобы через него перескочила Россия. В 1848 г. он никак не хотел согласиться с тем, что пролетариат должен поддерживать буржуазию в ее борьбе с пережитками феодализма и с абсолютной монархией. Убеденный в том, что всякий достаточно умен, чтобы желать удалить нож, приставленный к его горлу, Вейтлинг держался теории, обыкновенно выражаемой словами: «чем хуже, тем лучше». Он думал, что чем хуже будет положение трудящейся массы, тем более станет она склоняться к протесту против существующего порядка вещей. Последующий ход развития европейского пролетариата показал, что на самом деле это совсем не так. Тем не менее теория эта целиком по-

* См. его главное сочинение, вышедшее в конце 1842 г.: «Garantien der Harmonie und Freiheit». [«Гарантии гармонии и свободы».] Оно переиздано в Берлине в 1908 г. — по случаю столетия со времени рождения Вейтлинга, — с биографическим введением и примечаниями Меринга. Отзыв о предложенном Фурье плане распределения продуктов находится на стр. 224 и 225 этого издания.

** Там же, стр. 226 и 227.

*** Там же, стр. 235.

вторяется в рассуждениях М. А. Бакунина. В числе тех средств, которые, по мнению Вейтлинга, могут при известных обстоятельствах оказаться необходимыми в борьбе за общественное переустройство, находится одно, представляющееся теперь совсем странным. Именно, Вейтлинг считает возможным — правда, только условно, при известных обстоятельствах — рекомендовать коммунистам обращение к босяцким элементам городского населения и применение «новой тактики», соответствующей низкому нравственному уровню этих элементов. В самом главном сочинении он выражал эту мысль лишь намеками, правда, довольно прозрачными *. Но затем он стал выражаться яснее, построив теорию «ворующего пролетариата» (*des «stehlenden Proletariats»*). Единомышленники Вейтлинга отвергли эту теорию **. Но М. А. Бакунин создал впоследствии близкое к ней учение о «разбойнике» как оплоте революционного движения. Тому, кого слишком неприятно поразят подобные теории, я напомним, что типу великодушного и героически-смелого разбойника отводилось почетное место в романтической литературе ***. Да и не только в романтической: Карл Моор Шиллера тоже был разбойником. Утопический социализм вообще заплатил довольно крупную дань фантастике.

III

В главном сочинении Вейтлинга, вызвавшем горячие похвалы Фейербаха и Маркса ⁵⁶, рассыпано немало замечаний, свидетельствующих о том, что он яснее многих французских утопистов понимал объективную логику

* См. «Garantien der Harmonie und Freiheit», SS. 235—236 [«Гарантии гармонии и свободы», стр. 235—236.]

** О ней, а также об отношении к ней других коммунистов см. у Г. Адлера, «Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland mit besonderer Rücksicht auf die einwirkenden Theorien», Breslau 1885, SS. 43 и 44. [«История первого общественно-политического рабочего движения в Германии с особым указанием на воздействовавшие на него теории», Бреславль 1885, стр. 43 и 44.] Спешу прибавить, что сам Вейтлинг скоро перестал защищать свою «новую тактику».

*** Ср. интересные замечания на этот счет в предисловии Ив. Иванова к русскому переводу «Корсара» Байрона (Полное собрание соч. Байрона, изд. Ефрона-Брокгауза, т. I, СПб. 1904, стр. 274—276).

взаимных отношений классов в капиталистическом обществе. Немало интересных замечаний встречается и в тех — первых — главах его «Гарантий», где речь идет о *возникновении* классов и классового господства. В своем взгляде на движущие пружины общественного развития Вейтлинг остается несомненным идеалистом. Однако чувствуется, что его уже не удовлетворяет исторический идеализм и что он с удовольствием останавливается на тех временах приходящих ему в голову догадках, которые намекают на возможность более глубокого объяснения хотя бы лишь некоторых отдельных сторон общественной жизни. Я уверен, что эта особенность главного труда Вейтлинга была одной из тех причин, которые обеспечили ему сочувственное отношение со стороны Маркса. Но при всем том «Garantien» * Вейтлинга отнюдь не свидетельствуют о том, что их автор много интересовался собственно экономической теорией. Он был сыном своего времени. А в его время немецкие социалисты экономией еще не занимались. «Я не думаю, — говорит Энгельс в своих воспоминаниях о немецком «Коммунистическом союзе» домарксовой эпохи, — чтобы кто-нибудь из тогдашних членов союза прочитал хоть одну книгу по экономии. Да в этом не видели и надобности, так как *равенство, братство, справедливость* помогали перевалить через какую угодно теоретическую гору»⁵⁷. Как видим, немецкие коммунисты с этой стороны совсем не походили на социалистов Англии. Не надо забывать, однако, что уже в тридцатых годах прошлого столетия в Германии был социалист, глубоко интересовавшийся экономическими вопросами и очень хорошо знакомый с политико-экономической литературой. Правда, он стоял совсем особняком. Его звали Карл Родбертус⁵⁸ Ягцов**.

Он сам говорил о себе, что его теория «есть лишь последовательный вывод из того, введенного в науку Смитом и еще глубже обоснованного школой Рикардо, положения, согласно которому все *предметы потребления с экономической точки зрения должны рассматриваться лишь как продукты труда, которые ничего, кроме труда, не стоят****».

* [«Гарантии»].

** Род. в 1805 г., ум. в 1875 г.

*** Курсив у Родбертуса.

Этот свой взгляд на труд, как на единственный источник стоимости предметов потребления, он изложил уже в первой своей книге, вышедшей в 1842 году и озаглавленной: «Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände». В буквальном переводе это значит: «К познанию нашего государственно-хозяйственного состояния». Но на самом деле Родбертус занимался вовсе не государственным хозяйством в настоящем смысле этих слов. Он изучал положение рабочего в капиталистическом обществе и старался придумать такие меры, которые дали бы возможность изменить это положение к лучшему. «Главною целью моих исследований,— пишет он,— будет увеличение доли рабочего класса в национальном продукте, избавленное от изменчивых влияний рынка и построенное на прочном основании. Я хочу доставить этому классу возможность извлекать пользу из возрастания производительности труда. Я хочу устранить господство того закона, который иначе может оказаться губительным для наших общественных отношений и согласно которому заработная плата самыми условиями рынка всегда понижается до уровня насущнейших потребностей рабочего, как бы ни возвышалась при этом производительность труда. Этот уровень платы лишает рабочих возможности получить надлежащее образование и составляет самое вопиющее противоречие с их современным правовым положением, с тем формальным равенством их с прочими сословиями, которое провозглашено нашими важнейшими учреждениями»*.

Так как заработная плата при современных условиях всегда понижается до насущнейших потребностей рабочего и так как производительность труда постоянно увеличивается, то рабочий класс получает все меньшую и меньшую долю продукта, который он создает своим трудом. «Я убежден,— говорит Родбертус,— что плата за труд, рассматриваемая как часть продукта, падает по меньшей мере в той же, если еще не в большей, пропорции, в какой увеличивается производительность труда»**. А если может быть доказано постоянное уменьшение платы рабочих —

* Назв. сочинение, стр. 28—29. Примечание 59.

** «Zur Beleuchtung der socialen Frage», Berlin 1875, S. 25. [«К освещению социального вопроса», Берлин 1875, стр. 25.] Эта книга представляет собою перепечатку вышедших в 1850—1851 гг.

как доли создаваемого их трудом национального продукта, — то становятся вполне понятными такие грозные экономические явления, как *промышленные кризисы*. Вследствие относительного понижения заработной платы покупательная сила рабочего класса перестает соответствовать развитию общественных производительных сил. Она не увеличивается или даже уменьшается, между тем как производство растет, рынки переполняются товарами. Отсюда возникают затруднения в сбыте, застой в делах и, наконец, промышленные кризисы. Родбертуса не смущает то возражение, что покупательная сила остается в руках высших классов и потому продолжает действовать на рынки. «Продукты теряют всякую стоимость там, где не существует в них надобности, — говорит он. — Продукт, который мог бы иметь стоимость в глазах рабочих, оказывается совершенно излишним для других классов общества и остается непроданным. В национальном производстве должна произойти временная остановка, пока скопившиеся на рынке массы товаров не разойдутся мало-помалу и пока направление производительной деятельности не приспособится к потребностям тех, в чьи руки перешла отнятая у рабочих покупательная сила» *.

Уменьшение доли рабочего класса в национальном продукте означает его *обеднение*. Родбертус не соглашается с Адамом Смитом, утверждавшим, что человек богат или беден в той мере, в какой он может обеспечить себе удовлетворение своих потребностей. Если бы это было справедливо, то вышло бы, что зажиточный немец нашего времени богаче древних королей. «Под богатством (лица или класса) нужно понимать *относительную долю* (этого лица или класса) в общей массе продуктов, существующей на известной стадии культурного развития народа» **.

«Социальных писем к фон Кирхману». В нее вошли второе и третье письмо. Всех писем первоначально было напечатано три. Четвертое письмо вышло уже по смерти Родбертуса под названием «Das Kapital». (Berlin 1884 г.)

* «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft» 1878 года, erstes u. zweites Heft, S. 345. [«Журнал по общим вопросам политических наук»... первая и вторая тетрадь, стр. 345.] Там перепечатана брошюра Родбертуса «Der normale Arbeitstag». [«Нормальный рабочий день».]⁶⁰

** «Zur Erkenntnis», стр. 38—39 [«К познанию», стр. 38—39]⁶¹.

Итак, рост общественного богатства сопровождается относительным обеднением того класса, трудом которого оно создается. Пять шестых нации не только оказываются лишенными всех благодетельных культур, но претерпевают подчас самые страшные бедствия нищеты, непрерывно им угрожающей. В прежние исторические эпохи бедствия трудящейся массы были — допустим это — необходимы для успехов цивилизации. Но теперь это не так. Теперь рост производительных сил дает возможность устранить указанные бедствия. И вот Родбертус спрашивает в своем первом письме к Кирхману: «Может ли существовать более справедливое требование, чем требование того, чтобы творцы старого и нового богатства получили хоть какую-нибудь пользу от его увеличения; чтобы увеличился их доход или сократилась продолжительность их работы или, наконец, чтобы все большее число их переходило в ряды тех счастливых, которые пожинают плоды их труда?». Убежденный, что нет ничего справедливее такого требования, Родбертус с своей стороны предлагает ряд мер для улучшения участи рабочих.

Все они сводятся к законодательному регулированию заработной платы. Государство должно установить ее уровень в каждой отрасли производства и затем изменять его сообразно росту производительности национального труда. Такое определение заработной платы логически привело бы его к установлению нового «масштаба стоимости».

Так как все предметы потребления с точки зрения политической экономии должны рассматриваться лишь как продукты труда, ничего, кроме труда, не стоящие, то истинным «масштабом стоимости» может быть *только труд*. В нынешнем обществе продукты благодаря колебаниям рыночных цен не всегда обмениваются один на другой сообразно количеству труда, затраченного на их производство. Это зло надо устранить государственным вмешательством. Государство должно ввести в обращение «рабочие деньги», т.е. свидетельства, констатирующие, сколько именно труда затрачено на производство данного предмета. Короче, здесь Родбертус приходит к той же самой идее организации обмена⁶², которая возникла сначала в Англии двадцатых годов, а затем перешла оттуда во Францию (Прудон). Излишне распространяться о ней.

Следует, однако, прибавить, что все такого рода меры имели в глазах Родбертуса только временное значение. Он говорил, что впоследствии — лет через пятьсот — установится коммунистический строй и тогда совсем прекратится эксплуатация человека человеком.

Предлагая свое решение «социального вопроса», Родбертус не уставал повторять, что такое решение должно быть *совершенно мирным*. Он не верил не только в «баррикады» или в «керосин», но и в политическую самостоятельность пролетариата. Он всего ждал сверху, от королевской власти, которая, по его убеждению, должна была и могла сделаться «социальной» (soziales Königthum).

Излагая взгляды Родбертуса, я заимствовал их из различных его сочинений, начиная с вышедшей в 1842 году книги «Zur Erkenntnis» * и т. д. Не мешает, однако, заметить, что все его взгляды в сжатом виде изложены были им уже в конце тридцатых годов в статье, которую он послал в «Augsburger Allgemeine Zeitung» **, но которой не приняла эта газета. Статья Родбертуса перепечатана в «Briefe und sozialpolitische Aufsätze» von Dr. Rodbertus Jagetzow ***, изд. в 1882 году в Берлине Рудольфом Мейером. (См. во втором томе стр. 575—586: «Fragmente aus einem alten Manuskript».)**** Она интересна во многих отношениях. Но более всего заслуживает внимания в ней: во-первых, взгляд на рабочий класс, как на варваров («Barbaren an Geist und Sitte» — варвары по духу и нравам) *****; во-вторых, то опасение, что варвары, живущие в недрах цивилизованного общества, могут стать его господами, подобно тому как древние варвары сделались господами Рима. Дело шло хорошо, пока государство опиралось на нынешних варваров в своей борьбе с буржуазией. Но на кого обопрется оно в борьбе с этими варварами? Долго ли эти последние будут бороться против самих себя? В интересах самосохранения общество должно совершить социальную реформу *****.

* [«К познанию»].

** [«Аугсбургская всеобщая газета»].

*** [«Письма и социально-политические статьи» д-ра Родбертуса Ягцова].

**** [«Фрагменты из старой рукописи»].

***** Ср. приведенный выше взгляд Анфантена.

***** См. стр. 579 во втором томе только что указанного мною изд. Р. Мейера.

Родбертус боялся рабочего класса. Если бы он меньше боялся его, то он меньше склонен был бы как к своей главной утопии — «социальной» монархии, так и к тесно связанному с нею второстепенным утопиям, вроде «рабочих денег».

Теперь буржуазные экономисты охотно повторяют, что Маркс заимствовал свое экономическое учение у английских социалистов. Лет двадцать-двадцать пять тому назад они, тогда еще плохо знакомые с английской социалистической литературой, сделали то «открытие», что в своем качестве экономиста Маркс всем обязан Родбертусу. Одно так же неосновательно, как и другое. К тому же большая часть сочинений Родбертуса вышла в такое время, когда уже вполне сложились в своих главных чертах экономические взгляды Маркса. Но все-таки Родбертусу принадлежит весьма почетное место между экономистами Германии *, к которым он, мимоходом сказать, относится с глубочайшим пренебрежением.

*Печатается по тексту книги:
Г. В. Плеханов. Избранные философские
произведения в пяти томах, т. III,
1957, стр. 567—613*

* О Родбертусе см. в предисловии Энгельса к немецкому переводу первоначально вышедшей по-французски книги Маркса, «*Misère de la philosophie*» («Нищета философии»); есть русский перевод, сделанный В. И. Засулич под моей редакцией⁶³, «*Theorien über den Mehrwert*» Маркса, т. II, 2 отдел первой части (Die Grundrente)⁶⁴. По-русски взгляды Родбертуса излагались в начале восьмидесятых годов покойным Н. И. Зибером (в «Юридическом Вестнике») и мною (в «Отечественных Записках»). Мои статьи о нем перепечатаны в моем сборнике «За двадцать лет» (под псевдонимом Бельтова), стр. 503—647⁶⁵. См., кроме того, Т. Козака, «Rodbertus sozialökonomische Ansichten», Jena 1882; Georg Adler, «Rodbertus, der Begründer des wissenschaftlichen Sozialismus», Leipzig 1883; Dietzel, «Karl Rodbertus, Darstellung seines Lebens und seiner Lehre», Jena 1886—1887, 2 Teile; Jentsch, «Rodbertus», Stuttgart 1899; Gonner, «Social-philosophy of Rodbertus», London 1899. [«Социально-экономические взгляды Родбертуса», Иена 1882; Георг Адлер, «Родбертус, основатель научного социализма», Лейпциг 1883; Дитцель, «Карл Родбертус, Очерк его жизни и его учения», Иена 1886—1887, 2 части; Энцш, «Родбертус», Штутгарт 1889; Гоннер, «Социальная философия Родбертуса», Лондон 1899.]

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа «Утопический социализм XIX века» написана Г. В. Плехановым в августе-сентябре 1913 года.

Вначале Плеханов хотел подробно показать развитие утопического социализма отдельно по странам — Франции, Германии и Англии и написать соответственно этому несколько статей. Однако издательство «Мир», для которого Плеханов писал эту работу, требовало от автора изложить вопрос в одной статье. И Плеханов написал очерк «Утопический социализм XIX века».

Очерк «Утопический социализм XIX века» был опубликован во II томе «Истории западной литературы XIX века», в разделе «Эпоха романтизма» (М. 1913).

В настоящем издании работа печатается по тексту Избранных философских произведений Г. В. Плеханова, том III. — 13.

² См. Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», Госполитиздат, 1957, стр. 16.—13.

³ *Естественное право* — в буржуазных политических учениях понятие о праве, якобы возникающем из природы человека, из его разума.

Сторонники естественного права рассматривают государство и право как продукт некоторых постоянных свойств, будто бы неизменно присущих человеку независимо от его классовой принадлежности и уровня развития общества.

В XVIII в. Руссо, Гельвеций, Гольбах и др. разделяли идею естественного права и использовали ее для борьбы против феодализма. Феодальный строй они объявили противным «естественному» порядку вещей, несовместимым с требованиями природы и разума человека. При всей ограниченности и метафизичности представлений о естественном праве французские философы-просветители делали из принципов естественного права критические и революционные выводы.—13.

⁴ Лондонское корреспондентское общество, возникшее в 1792 г., было первой рабочей политической организацией в истории Англии. Подобные организации возникли в Шеффилде, Ковентри, Лидсе, Ноттингеме, Эдинбурге. Члены общества переписывались друг с другом, что и дало название обществу. Официально оно выступало только с программой всеобщего избирательного права и ежегодных перевыборов парламента, но в действительности большинство членов этого общества были республиканцами и последователями революционного демократа, просветителя Томаса Пэна.—16.

⁵ В 1794 г. английское правительство приостановило действие акта Habeas Corpus (закона о неприкосновенности личности) и в спешном порядке провело законы, запрещающие общественные собрания. Корреспондентское общество было объявлено вне закона. В 1798 г. были приняты законы против противоправительственной деятельности (Sedition Acts), жестоко каравшие всякое устное и печатное выступление против правительства. В 1799 и 1800 гг.—законы о союзах (Combination Acts), объявлявшие вне закона все рабочие организации и союзы и запрещавшие участие в стачках.—16.

⁶ Речь идет о сочинении Мальтуса «An Essay on the Principle of Population» («Опыт о законе народонаселения»), вышедшем в 1798 г. Маркс оценил его как «...памфлет против французской революции и современных идей общественных реформ в Англии...», как «апологию нищеты рабочих классов» (К. Маркс, «Теории прибавочной стоимости», т. III, М. 1936, стр. 43) и подверг его идеи уничтожающей критике в I томе «Капитала».—16.

⁷ Сочинение Чарльза Голля называлось «Effects of Civilisation on the People in European States» («О действии цивилизации на народные массы в европейских странах»).—17.

⁸ Р. Оуэн, «Описание ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и настоящего состояния общества» (Р. Оуэн, Избранные сочинения, т. I, АН СССР, М.—Л. 1950, стр. 140, 141—142).—21.

⁹ Неточность. К изданию этой книги в 1817 г. Р. Оуэн сделал примечание: «Первый очерк написан в 1812 году, а вышел в свет в 1813 году. Второй очерк был написан и опубликован в конце 1813 года. Третий и четвертый очерки были написаны и напечатаны приблизительно в это же время» (Р. Оуэн, «Образование характера. Новый взгляд на общество», Спб. 1909, стр. 6).—22.

¹⁰ См. Р. Оуэн, «Образование характера. Новый взгляд на общество», Спб. 1909, стр. 14, 21—22.—22.

¹¹ Р. Оуэн, «Образование характера», стр. 58.—23.

¹² Р. Оуэн, «Замечания о влиянии промышленной системы», Избранные сочинения, т. I, стр. 69, 70.—23.

¹³ Р. Оуэн, Избранные сочинения, т. I, стр. 70, 71.—23.

¹¹ Р. Оуэн, Избранные сочинения, т. I, стр. 76.—24.

¹⁵ Парламентским актом 1819 г. запрещалось применение труда детей моложе 9 лет на хлопчатобумажных фабриках; продолжительность рабочего дня для детей от 9 до 16 лет устанавливалась в 13½ часов.—24.

¹⁶ См. К. Маркс, «Капитал», т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 284.—21.

¹⁷ В 1816 г. собрание политических и общественных деятелей создало Комитет для изыскания средств против нужды. Оуэн, входивший в состав Комитета, выступил с речью на заседании его, а затем на основе этой речи составил письменный доклад, который он направил Комитету палаты общин, занимавшемуся законами о бедных. Он назывался: «Доклад, представленный комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих» (см. Р. Оуэн, Избранные сочинения, т. I, стр. 86—109). Плеханов излагает здесь этот доклад.—24

¹⁸ См. примечание к стр. 588 во II томе Избранных философских произведений Г. В. Плеханова.—25.

¹⁹ В Таверне Лондонского Сити происходило организационное собрание Ассоциации для облегчения положения бедных. Там 21 августа 1817 г. Р. Оуэн произнес цитируемую Плехановым речь. См. Р. Оуэн, Избранные сочинения, т. I, стр. 170. («Речь в Таверне Лондонского Сити»).—26.

²⁰ В этом отношении особенно интересна биография Генри Гесеринтона (Гетерингтона), который был одним из деятелей чартистского движения. Рабочий-наборщик, он, став издателем газеты «Poor Man's Guardian» («Защитник бедняка»), вел с правительством открытую политическую борьбу. Отказавшись платить государству «штмпельный сбор» (по 4 пенса за каждый номер газеты), требующийся по закону в качестве залога, Гесеринтон продавал рабочим газету за 1 пенс, а под заголовком каждого номера газеты значилось: «издается вопреки закону, дабы испытать мощь права против мощи насилия».—32.

²¹ Книга М. Бера «История социализма в Англии» переведена на русский язык (часть I, Гиз, М.—Пг. 1923; часть II, Гиз, Л. 1924). «Завещание» Гетерингтона приводится во II части, стр. 375—376.—32.

²² См. М. Бер, «История социализма в Англии», ч. II, стр. 376. В своем «Завещании» Гетерингтон писал: «Я жил и умираю как решительный прогивник несправедливой и грабительской экономической системы... Пока земля, машины и другие орудия и вспомо-

гательные средства производства находятся в руках бездельников; пока труд составляет единственное достояние творцов богатства и является только предметом торговли, который может быть покупаем и управляем богатыми и празднoлюбцами, — до тех пор нищета будет уделом большинства людей» (цит. соч., ч. II, стр. 376).—32

²³ В русском издании: *Мориц Хилкуит*, «История социализма в Соединенных Штатах», Спб. 1907.—32.

²⁴ См. *К. Маркс*, «Теории прибавочной стоимости», т. III, Партиздат. 1936, стр. 183—199.—34.

²⁵ *К. Маркс*, «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 199—246.—35.

²⁶ См. *К. Маркс*, «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 203—206.—36.

²⁷ См. *К. Маркс*, «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 183.—36.

²⁸ См. *Г. Мабли*, «Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ» (Избранные произведения, АН СССР, 1950, стр. 176).—38.

²⁹ Последователи Бабёфа, или бабувисты, — представители уравнительного утопического коммунизма; в 1796 г. создали строго законспирированную организацию «равных». Они имели своих агентов в среде рабочих и солдат, готовили революционное восстание бедноты, которое должно было произойти под руководством тайного революционного комитета. Душой и организатором заговора был Ноэль Франсуа Бабёф, который в 1793 г. принял имя Камилла, а в 1794 г. — Гракха в честь римского пародного трибуна.—38.

³⁰ См. *Ф. Буонарроти*, «Заговор во имя равенства», т. II, стр. 147—158.—39.

³¹ См. *Ф. Буонарроти*, «Заговор во имя равенства», т. II, стр. 142.—39.

³² *К. Маркс и Ф. Энгельс*, «Манифест Коммунистической партии» (Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 455).—40.

³³ *Трудовики*, «Трудовая группа» — группа мелкобуржуазных демократов; образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы. Фракция трудовиков существовала во всех четырех Думах.

Трудовики выдвигали требования отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации земского и городского самоуправления, осуществления всеобщего избирательного

права для выборов в Государственную думу. Аграрная программа трудовиков исходила из народнических принципов уравнительности землепользования: образование общенародного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских земель, а также частновладельческих, если размер владения превышал установленную трудовую норму; за отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось вознаграждение. Проведение земельной реформы возлагалось на местные крестьянские комитеты.

В годы мировой империалистической войны (1914—1918) трудовики занимали шовинистическую позицию. После февральской буржуазно-демократической революции трудовики, являясь выразителями интересов кулачества, вместе с народными социалистами перешли в лагерь контрреволюции.—42.

³⁴ Ш. Фурье, Избранные сочинения, т. I, стр. 89.—41.

³⁵ Сен-Симон, Избранные сочинения, т. I, стр. 123, 124.—41.

³⁶ Ш. Фурье, Избранные сочинения, т. II, стр. 15.—45.

³⁷ Сен-Симон, Избранные сочинения, т. I, стр. 131.—45.

³⁸ См. Ф. Буонарроти, «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабёфа», т. I и II.—47.

³⁹ Есть в русском переводе: Т. Дезами, «Кодекс общности», АН СССР, М. 1956.—48.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 2, стр. 146.—48.

⁴¹ Э. Каб', «Путешествие в Икарию». Философский и социальный роман, т. II, АН СССР, 1948, стр. 489.—49.

⁴² «Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас» — один из основных тезисов философско-исторической системы Сен-Симона, который он поставил эпиграфом к своей работе «Рассуждения литературные, философские и промышленные» (1825),—см. Сен-Симон, Избранные сочинения, т. II, стр. 273. Эти же слова стояли эпиграфом в сен-симонистском журнале «Le Producteur» («Производитель»).

В цикле очерков «За рубежом» М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «...оттуда [из...Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье...] лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, все доброе, все желанное и все любвеобильное — все шло оттуда» (Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XIV, Гослитиздат, стр. 161).—50.

⁴³ См. «Изложение учения Сен-Симона», АН СССР, М.—Л. 1947, стр. 363—364.—50.

⁴⁴ См. Т. Дезами, «Кодекс общности», стр. 101—102.—50.

⁴⁵ Плеханов цитирует известные строки из поэмы Генриха Гейне «Германия (*Зимняя сказка*)»:

Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем:
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.

(*Генрих Гейне*, Избранные произведения, Гослитиздат, 1950, стр. 591).—51.

⁴⁶ См. «Изложение учения Сен-Симона», стр. 410.—51.

⁴⁷ См. *Ш. Фурье*, Избранные сочинения, т. III, стр. 439—442. Раздел: «Воспитание при строе гармонии».—51.

⁴⁸ «Я это время помню. «Петр Рыжий», как называли мы его в сороковых годах, «становится моим Христом»,— писал мне всегда увлекавшийся через край Белинский» (*А. И. Герцен*, «Былое и думы», ч. VII, гл. III. См. *А. И. Герцен*, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XIV, стр. 751).—55.

⁴⁹ См. *Г. В. Плеханов*, Избранные философские произведения в пяти томах, т. III, 1957, статья «От идеализма к материализму». Статьи об «истинных социалистах» Плеханов не написал.—57.

⁵⁰ Сектантский утопический коммунизм Вейтлинга, сыгравший, как отмечал Энгельс, положительную роль в «качестве первого самостоятельного теоретического движения германского пролетариата» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 323), со времени возникновения научного коммунизма стал тормозить развитие классового сознания пролетариата, так как он проповедовал в религиозно-мистической форме грубый «уравнительный» коммунизм. Отрицая роль революционной теории пролетариата, Вейтлинг не признавал массового пролетарского движения, проповедуя анархизм. Маркс и Энгельс подвергли суровой критике взгляды Вейтлинга на заседании Брюссельского Коммунистического корреспондентского комитета 30 марта 1846 г. (См. *Ф. Меринг*, «Карл Маркс. История его жизни», Госполитиздат, 1957, стр. 147, а также *П. Анненков*, «Из очерка «Замечательное десятилетие» в кн.: «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», Госполитиздат, 1956, стр. 280—281).—57.

⁵¹ О «Гессенском сельском вестнике» см. *Георг Бюхнер*, Сочинения, Academia, 1935, стр. 380.—58.

⁵² Выражение «Мир хижинам! Война дворцам!» впервые было употреблено в период французской буржуазной революции XVIII в. Член Конвента монтаньяр Пьер Жозеф Камбон выдвинул этот лозунг в своем докладе, обосновывая декрет от 15 декабря 1792 г.

о ликвидации феодальных порядков. Этот же лозунг записан в протоколе заседания Конвента от 21 января 1793 г. Лозунг «Мир хижинам! Война дворцам!» был эпитафией к воззванию Георга Бюхнера.—58.

⁵³ Речь о сущности конституции. См. *Ф. Лассаль*, Соч., т. II. Изд-во «Круг», М. 1925.—59.

⁵⁴ В русском издании: *Георг Бюхнер*, «Смерть Дантона», Слб. 1879. Последнее издание: М. 1954.—59.

⁵⁵ См. *Георг Бюхнер*, Сочинения, стр. 295.—60.

⁵⁶ По свидетельству Энгельса, «Фейербах сказал, что ни одна книга не доставила ему такого наслаждения, как первая часть «Гарантий» Вейтлинга. Он заявил, что никогда никому не посвящал своих книг, но испытывает большое желание посвятить свою ближайшую работу Вейтлингу» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 2, 2 изд., стр. 524—525). Что касается молодого Маркса, то он называл произведения Вейтлинга «гениальными», а «Гарантии» — «беспримерным и блестящим литературным дебютом немецких рабочих» (там же, т. 1, стр. 443, 444).—63.

⁵⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 325—326.—64.

⁵⁸ Называя Родбертуса социалистом, Плеханов преувеличивает значение его работ и не обращает должного внимания на реакционные стороны его взглядов. Родбертус был проповедником прусского «государственного социализма». Замечая отдельные противоречия, присущие капиталистическому способу производства, он считал возможным разрешить их в рамках капиталистического строя, путем реформ, сохраняя буржуазию по меньшей мере на ближайшие 500 лет. Консерватизм и реакционность Родбертуса проявились и в цитируемых Плехановым «Социальных письмах к фон Кирхману» и в книге «К познанию нашего государственно-хозяйственного строя».—64.

⁵⁹ См. *К. Родбертус*, «К познанию нашего государственно-хозяйственного строя. Пять теорем», Соцэкгиз, Л. 1935, стр. 81 (Библиотека истории экономической мысли).—65.

⁶⁰ Работа «Нормальный рабочий день» в русском переводе помещена в журнале «Юридический Вестник», 1891, № 1.—66.

⁶¹ См. *К. Родбертус*, «К познанию нашего государственно-хозяйственного строя», 1935, стр. 89.—66.

⁶² В связи с этим Энгельс писал: «Это действительно разыгранная на игрушечной трубе музыка будущего... Все новое, что внесено Родбертусом в утопию обмена при помощи рабочих денег,

просто наивно и по своему значению гораздо ниже всего того, что написано его многочисленными товарищами как до него, так и после него» (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 187).—67.

⁶³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 174—188.—69.

⁶⁴ *К. Маркс*, «Теории прибавочной стоимости», ч. II, Госполитиздат, 1957, стр. 3—106.—69.

⁶⁵ См. *Г. В. Плеханов*, Соч., т. I, стр. 216—364.—69.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ XIX ВЕКА	13
А. Английский утопический социализм	15
I.	15
II.	20
III.	26
IV.	32
В. Французский утопический социализм	37
I.	37
II.	40
III.	45
IV.	49
V.	52
VI.	54
С. Немецкий утопический социализм	56
I.	56
II.	60
III.	63
<i>Примечания</i>	70

Г. В. ПЛЕХАНОВ
УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ
XIX ВЕКА

В Ы П У С К 26

Редактор *Л. Г. Барулина*

Оформление художника
И. К. Байтодорова

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Ответственные корректоры:

З. П. Баранова и *М. М. Шустерман*

Сдано в набор 26 июля 1958 г. Подписано
к печати 3 октября 1958 г. Формат
84 × 108^{1/32}. Физ. печ. л. 2^{1/2}. Условн. печ.
л. 4,1. Учетно-изд. л. 3,97. Тираж 110 тыс.
экз. А 09406. Заказ № 4219. Цена 1 руб.

*

Государственное издательство
политической литературы.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Набрано и сматрицировано
Первой Образцовой типографией
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано типографией «Красный
пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

1 руб.

~~С 1/1 1951 г. — 10 руб.~~

Новая цена
— р. 05 к.